

ЛитРес:

ИВАН ЛЮБЕНКО

МАСКАРАД

СО СМЕРТЬЮ

ЧИТАЙТЕ КНИГУ, СМОТРИТЕ ФИЛЬМ

Клим Ардашев

Иван Любенко

Маскарад со смертью

«Автор»

2010

Любенко И. И.

Маскарад со смертью / И. И. Любенко — «Автор»,
2010 — (Клим Ардашев)

ISBN 978-5-699-64735-4

Выйдя в отставку, Клим Пантелеевич Ардашев, бывший начальник Азиатского департамента МИДа в России, мечтал о жизни провинциального отшельника-сибарита. Но не тут-то было: неожиданно убивают его знакомого ювелира Соломона Жиха, а тот в предсмертной записке просит Ардашева позаботиться о его красавице-жене Кларе... Расследование трагической смерти Жиха заводит Ардашева в дебри человеческих чувств и отношений: любовь оборачивается предательством, а предательство – прощением...

ISBN 978-5-699-64735-4

© Любенко И. И., 2010

© Автор, 2010

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
5	18
6	21
7	26
8	30
9	33
10	37
11	40
12	43
13	46
14	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Иван Любенко

Маскарад со смертью

Светлой памяти Пархомовой Раисы Ивановны посвящая...

1

Налет

Газета «Северный Кавказ», № 84 от 3 августа 1907 года

Происшествие:

«Как следует из сообщения в газете «Московский Листок», в четверг, августа 1-го дня, поздно вечером, в Москве, со станции «Палагиада» Владикавказской железной дороги, была получена телеграмма об убийстве в купе первого класса международного общества спальных вагонов директора московского отделения торгового дома «Бушерон» в Париже г-на Жоржа Делавинь и его двадцатилетнего сына Людовика. Преступление совершено с целью грабежа.

В Москве, в дополнение уже сообщенной телеграммы, нам удалось узнать от людей, близко стоящих к фирме «Бушерон», имеющей на Кузнецком мосту громадный ювелирный магазин, не лишённые интереса подробности.

Недели две тому назад покойный Жорж Делавинь получил из Парижа от главы вышеупомянутой фирмы письмо, в котором ему предлагалось отобрать большое количество драгоценных камней и отправить их в соответствии с прилагаемым списком в губернский город Ставрополь, в сопровождении двух доверенных лиц.

Г-н Делавинь, находившийся на службе у фирмы «Бушерон» более двадцати лет, как человек крайне осторожный и недоверчивый, опасаясь препоручить драгоценности чуть ли не на миллион рублей кому-либо, решил лично выехать по месту назначения со своим старшим сыном, тоже состоящим на службе в этой же фирме. Господа Делавинь, имея в ручном, сравнительно небольшом, кожаном саквояже драгоценных камней на очень значительную сумму, тридцатого дня, минувшего июля, выехали в Ставрополь.

К исходу вторых суток поезд благополучно проследовал станцию Кавказскую, где имел остановку в семнадцать минут, и через непродолжительное время снова замедлил ход между разъездами. В этот момент кто-то открыл автоматический тормоз Вестингауза и в вагон международного общества спальных вагонов ворвались двое вооруженных грабителей в национальных горских одеждах и в черных масках. Разбойники стремительно направились в купе № 8, занимаемое французскими подданными. Время было около полуночи. Служащие ювелирной фирмы, видимо, уже спали, и поэтому в один миг были застрелены. В каждого из них попало по несколько пуль, предположительно из маузеров. Раны оказались смертельными. В момент внезапно раздавшихся выстрелов все пассажиры оцепенели от ужаса, и никто даже не попытался броситься им на помощь. Грабители-убийцы, пользуясь общей паникой и темнотою, выбежали из вагона и, никем не задержанные, бесследно скрылись в степи. Кожаный саквояж исчез вместе с драгоценностями.

Вызванные тотчас же казаки бросились в погоню и оцепили окрестную местность. Розыски велись всю ночь и весь следующий день. Результат их пока неизвестен.

После покойного остались жена, сын и дочь-невеста, свадьба которой должна была состояться после возвращения отца.

По получении печальной телеграммы супругу постиг нервный удар. В настоящее время она очень слаба и никого не принимает.

Среди ювелиров г-н Жорж Делавинь слыл большим знатоком брильянтов и мастером редкой огранки».

2

Купе № 8

Теплое южное солнце играло веселыми лучами на лицах публики, ожидающей на перроне прибытия кавказского скорого поезда. Разгоняя усевшихся на рельсах ворон, жадно подбирающих спелую мякоть оброненного кем-то арбуза, уставший паровоз натужно разразился продолжительным свистком и медленно подкатил к перрону городского вокзала. Его огромные колеса с белой окантовкой и красные дышла с шатунами были намного выше человеческого роста и от этого казались лапами фантастического, инопланетного существа из «Войны миров» Герберта Уэллса. Белый номерной знак, нанесенный на нижней части будки машиниста и на буферном бруске, позволял предположить, что паровоз серии «ОВ» числится за 112-м порядковым номером и приписан к Владикавказской железной дороге. Черный цвет предумышленно скрывал толстый налет угольной сажи на длинном стальном туловище и только чумакая, но счастливая физиономия помощника машиниста полностью раскрывала задуманную конструкторами маскировку.

Станционный смотритель трижды ударил в медный, начищенный до блеска колокол. Растянувшийся как гусеница состав вздрогнул и остановился. Встречающие с нетерпением вглядывались в окна, дожидаясь, когда же, наконец, вагоновожатые дадут команду выпускать пассажиров.

Этот опоздавший поезд ждали. Четверо господ в штатском быстро подошли к вагону международного класса, предъявили проводнику полицейские жетоны и, пропустив спешившего по коридору священника с громоздким чемоданом, почти беспрепятственно прошли до восьмого купе.

Начальник местного жандармского отделения Владимир Карлович Фаворский, судебный следователь Фельденкрейц, штатный полицейский фотограф Яблочков и врач Топорков протиснулись в проем узкой двери и... остановились в оцепенении.

На спальных местах мирно покоились два застывших окровавленных тела. Стены и потолок были забрызганы алой мозговой жидкостью. Внешне создавалось ощущение того, что несчастные так и не успели проснуться, в момент когда обезумевшие от собственной дерзости преступники разрядили в них оружие. На столе лежала начатая коробка шоколадных конфет фабрики Абрикосова и две пустые чайные кружки.

Следственная команда принялась за работу. Фотограф, установив треногу, выбирал нужный фокус объектива. Врач ощупывал тела и фиксировал повреждения. Расположившись у боковой полки, следователь методично вносил карандашом данные в протокол, а Фаворский с помощью перочинного ножа старательно выковыривал из полированного дерева глубоко засевшие пули.

– Десять выстрелов... Стало быть, палили из двух пистолетов. Выходит, в каждом минимум по десять патронов. Да и калибр – почти как у винтовки «Мосина», – рассматривая на свет извлеченную из обшивки вагона, совсем не поврежденную пулю, делился соображениями жандармский ротмистр. – Что ж, господа, не ошибусь, если предположу, что это германский маузер – новое универсальное десятизарядное оружие, сочетает в себе качества пистолета и легкого карабина. Последнее время ими усиленно вооружается турецкая армия.

– Хотелось бы знать, кому досадили эти несчастные и за что их так усердно свинцом нафаршировали. Куда они направлялись и кто их здесь ожидал? – задумчиво проронил следователь.

– Боюсь, господа, что с этим делом нам придется изрядно повозиться. Да и не все здесь так просто, как может показаться на первый взгляд. У меня даже нет точной уверенности в том, что явилось причиной их смерти, – неуверенно выговорил врач.

– Позвольте, Сергей Матвеевич?! И что же вы имеете в виду? Да ведь из них решето сделали, а вы причину не найдете, – удивленно вскинул брови Фельденкрейц.

– Возможно, вы были бы правы, если бы не одно важное обстоятельство – у обоих трупов довольно сильно расширены зрачки. А если учесть, что в момент налета они спали, то, согласитесь, это довольно странно. Одним словом, без вскрытия установить точную причину смерти будет невозможно.

– С нетерпением буду ждать вашего заключения, доктор, – согласно кивнул следователь.

– Смею предположить, господа, что это иностранцы. Судя по ярлычкам, вся одежда куплена в парижских магазинах, – заключил ротмистр, копаясь в дорожном чемодане одного из потерпевших.

Рутинный осмотр продолжался. Опрошенные проводники пояснили, что найденные мертвыми господа направлялись в Ставрополь. По крайней мере, это следовало из предъявленных ими билетов. По-русски изъяснялись сносно, хотя и с заметным французским акцентом. В вагоне-ресторане долго не задерживались. С собой постоянно носили небольшой кожаный саквояж. Его-то в купе и не оказалось.

Установить личность того, кто перед нападением дернул ручку Вестингауза, так и не удалось. Но незадолго до экстренной остановки проводник вагона второго класса, где и был сорван тормоз, видел в коридоре даму в белом платье и с вуалеткой. Правда, опознать таковую впоследствии не смог. Опрошенные пассажиры свою причастность к остановке полностью отрицали.

И хотя преступления на железнодорожном транспорте – вотчина жандармского управления железных дорог, дело по двойному убийству было поручено Фаворскому, который формально никакого отношения, как руководитель политической полиции, к вышеназванной организации не имел. Но из-за отсутствия в городе соответствующей структуры отдуваться приходилось именно ему. Правда, в этом было и некоторое преимущество – в распоряжении ротмистра всегда были лучшие следователи судебного департамента, штатные полицейские врачи и даже фотограф. Слава богу, основная работа от этой дополнительной обязанности не особенно страдала, потому как смутьянов в городе уже почти всех повывели и аресты да обыски у разного рода революционеров и анархистов были редкостью. И только высылаемые из столицы поднадзорные студенты еще доставляли хлопоты, забывая вовремя отметиться в местном охранном отделении. А иногда, выпив лишнего, они выкрикивали на Александровской базарной площади антиправительственные лозунги. Их тут же задерживали городовые и, промурыжив ночь в участке, на утро, как правило, отпускали.

Новое злодеяние выбивалось из ряда обычных железнодорожных краж и пьяной вагонной поножовщины. Поиск преступников мог затянуться надолго. Вопросов у ротмистра было гораздо больше, чем ответов. Опыта в раскрытии такого рода дел у тридцатилетнего начальника не имелось. Да и откуда было ему взяться, ведь за последние три года жизнь офицера сделала несколько головокружительных и неожиданных виражей, полностью изменив его судьбу.

Еще совсем недавно штабс-ротмистр 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка с началом русско-японской войны был всецело охвачен духом самопожертвования и патриотизма. Повинуясь героическому порыву, он сразу же написал рапорт о направлении на фронт и в скором времени был зачислен в Терско-Кубанский полк, ожидающий отправки на Дальний Восток.

Уже через пару месяцев, во время Мукденского сражения, конный разъезд под его командованием, неожиданно оказавшись в тылу врага, с ходу атаковал и уничтожил артиллерийскую батарею новых японских скорострельных пушек «Арисака». Во время боя отважный офи-

цер получил ранение, но несмотря на это, его кавалерийское подразделение в полном составе благополучно вернулось в расположение части. За этот подвиг штабс-ротмистр был удостоен ордена Святой Анны III степени с надписью «За храбрость» и досрочным присвоением очередного воинского звания.

Выйдя из госпиталя и насмотревшись на бездарное командование генералов, Фаворский решил подать в отставку, но в штабе дивизии его нашел прибывший из столицы господин, который и предложил службу в политической полиции. Не долго думая, драгунский офицер дал согласие и был направлен в Санкт-Петербург слушателем специальных курсов при Штабе Отдельного корпуса жандармов. Сразу после их окончания Владимира Карловича командировали в Ставрополь, где он и остался, возглавив местное охранное отделение при Терском жандармском управлении.

Несомненным достоинством нового начальника Ставропольской охранки была его удивительная способность быстро сходиться с людьми. Высокий подтянутый красавец, с открытым лицом, с закрученными в спираль модными усами, с приятным чистым голосом и мягкими манерами, располагал к общению и производил впечатление благовоспитанного, не имеющего ничего общего с грязными полицейскими провокациями человека. Многие ему верили, открывали душу и успокаивались. Но ненадолго... Защищая Добродетель от Дьявола, он и сам стал незаметно превращаться в жестокого и беспощадного «охотника за бунтарями», как иронично величал Владимир Карлович себя и своих сослуживцев.

Благодаря его стараниям за последний год количество тайной агентуры выросло. Вербовочные беседы он проводил лично, встречаясь с «объектами» на конспиративных квартирах.

Учитывая скудные официальные возможности по денежному вознаграждению добровольных помощников, Фаворский оказывал осведомителям разного рода мелкие преференции: помогал устроить на бесплатное обучение в гимназию детей; снимал наложенные полицией штрафы за нарушение правил торговли; смотрел сквозь пальцы на печатание книг в типографии Тимофеева свыше заявленного тиража, что, по сути, являлось незаконным промыслом и могло повлечь уголовное наказание.

К сожалению, картина налета на поезд вырисовывалась достаточно туманная и, сказать по правде, малопонятная. Но, следуя хорошо усвоенному курсу розыскного дела, ротмистр понимал, что надлежало перейти ко второму обязательному этапу – сбору необходимой информации. Для этого предстояло четко поставить задачи осведомителям и грамотно распорядиться полученными донесениями, то есть суметь составить из разрозненных, часто противоречивых сообщений яркую и понятную логическую цепочку человеческих поступков.

Интуиция подсказывала, что ключ к разгадке тайны убийства иностранцев лежит где-то на поверхности, надо лишь его внимательно рассмотреть среди цепи обычных и, на первый взгляд, ничем не примечательных событий.

3

Новая жизнь

Присяжный поверенный Клим Пантелеевич Ардашев был совершенно удовлетворен теперешней, полной домашнего уюта и спокойствия, гражданской жизнью ставропольского обывателя, тем более что сорок лет – возраст, когда мудрость уже пришла, а старость еще не наступила.

Но два года назад, вернувшись в Одессу из заграничной командировки на борту греческого судна с документами на имя австро-венгерского подданного, тайный посланник Российской империи привез с собой не только тяжелую форму тропической лихорадки, но и сквозное ранение обеих ног. Это был результат выполненной, но очень опасной операции по перехвату личного послания премьер-министра Великобритании Артура Бальфура представителю Соединенного Королевства на ожидаемых российско-английских консультациях по разграничению сфер влияния в Персии.

Пули задели и мышцы, и суставы. После трех перенесенных операций диагноз врачей был неутешителен: передвигаться начальник Азиатского департамента МИД России сможет только с помощью пары костылей. К глубочайшему сожалению, о выполнении деликатных поручений за границей не могло быть и речи.

Поблагодарив руководство и лично своего непосредственного начальника, его высочество принца Ольденбургского, Клим Пантелеевич отказался от любезно предложенной ему преподавательской работы на кафедре восточных языков при учебном отделении министерства иностранных дел и вышел в отставку.

Родина по достоинству оценила успешную работу «рыцаря плаща и кинжала» по созданию агентурной сети в Британской Ост-Индии (на Цейлоне, в Карачи, Бомбее и Хайдарабаде) и вербовку высокопоставленного чиновника английской колониальной администрации в Дели.

По особому соизволению государя коллежский советник Ардашев получил из рук Николая Александровича золотой перстень с вензельным изображением «Высочайшего имени Его Императорского Величества», орден Владимира IV степени с бантом, а также единовременную денежную выплату в сто тысяч рублей.

Будучи человеком деятельным и умным, Клим Пантелеевич пришел к глубокомысленному заключению, что на сей момент закончилась только первая фаза его жизни, а новая может стать не менее интересной и захватывающей. Надо только принять правильные решения.

Во-первых, следовало самостоятельно разработать методику лечения поврежденных суставов и начать их тренировку. Здесь могла пригодиться лечебная гимнастика индийских йогов, освоенная как раз перед тем злосчастным ранением.

Во-вторых, оставались так и не оконченные два курса Петербургского университета, где юный и полный энергии студент постигал основы юридических наук, пока не увлекся персидским и турецким языками. Внезапный интерес к Востоку и заставил бросить юридическое поприще, перейдя на факультет востоковедения, который он успешно окончил. Вот тогда-то и пригласили молодого выпускника на неведомую ему работу в недавно организованный специальный отдел при внешнеполитическом ведомстве Российской империи.

Почти военная дисциплина, новые предметы под номерами и без названий, дополнительные иностранные языки, необычные занятия по развитию специальных навыков, изнуряющие физические нагрузки. Но вскоре пришла пора бесконечных заграничных командировок и поручений, одно сложнее другого. Так пролетели годы.

Что ж, теперь предстояло вернуться к давно забытым дисциплинам по юриспруденции. Было необходимо сдать экзамены экстерном и, минуя обязательный пятилетний срок помощника адвоката, получить разрешение на практику присяжного поверенного окружного суда.

Ну а в-третьих, стоило решить, где пройдет эта вторая часть его жизни. Ответ напрашивался сам собой: в тихом и солнечном, раскинувшемся в окружении бескрайних степей городе. Там, где прошли его детство и юность.

– И с какой-то стати мы должны ехать из столицы в этот маленький и захолустный городок? – обиженным тоном спрашивала Клима Пантелеевича жена. – Ну не хочешь жить в Петербурге, есть Москва или, на худой конец, Нижний... Ну почему обязательно в Ставрополь? – непонимающими и от того широко раскрытыми от удивления глазами смотрела на мужа Вероника Альбертовна и ждала ответа.

Ардашев сидел в любимом кожаном кресле и молчал. Он опустил взгляд, видимо пытаясь самостоятельно разобраться в принятом решении, но найдя правильные слова, сразу как-то посветлел и, улыбнувшись, произнес:

– Я там родился.

...Со времени того памятного разговора прошел год. Революционные настроения стали понемногу угасать не только в Москве, но и в провинции. Март 1907 года уже дышал спокойствием. О прошлогодних демонстрациях в Ставрополе стали забывать, и только вырванные из тела мостовых булыжники напоминали о минувших беспорядках.

Весна в этом году пришла рано и до краев наполнила скверы и сады свежестью южных заморских ароматов. Сирень цвела привычными фиолетовыми гроздьями, а ее душистый и дурманящий запах гулял по бульварам и улицам в обнимку с молодым и неокрепшим ветром, волновавшим верхушки кокетливых берез. Земля, остывшая за долгую и суровую зиму, жадно впитывала тепло, опасаясь вполне вероятного в эту пору возврата холодов. Безмятежную картину спокойствия патриархального города дополняли сладко спавшие на ржавых железных крышах дворовые коты. Утомленные ночными похождениями, они с высокомерным безразличием взирали сверху на скрежет злого и беспощадного врага – вязанную толстыми прутьями дворницкую метлу.

А на городском железнодорожном вокзале, снаружи напоминающем архитектуру средневековой крепости, всегда царил суега. И хотя расписание поездов было известно всем, служащие станции в последний момент что-нибудь обязательно забывали сделать. И так изо дня в день. Что поделаешь – Россия.

В окружении услужливых проводников и носильщиков на перрон вышла немолодая пара. Супружеская чета невольно обращала на себя внимание строгими и несколько утонченными манерами. Мужчина среднего роста, с правильными чертами лица и располагающей улыбкой, лет сорока, с едва заметной проседью, в строгом темном сюртуке, слегка опирался на круглую ручку трости. Под руку его держала миловидная женщина лет тридцати пяти в широкой шляпе с вуалеткой. Самый прыткий извозчик из числа столичных, выхватив чемодан из рук проводника, со словами: «Пожалуйста, господа, в мою карету», – первым устремился к проходу, рассекая людскую толпу.

– А скажи-ка, любезнейший, какая гостиница здесь лучшая? – усаживаясь в фаэтон рядом с дамой, поинтересовался господин в черном котелке.

– «Варшава», что на Казанской площади. Дороже ее нету, ваше благородие, – определил статус клиента опытный возница. – Там на завтрак даже пианина играет, а вечером – всегда оркестр.

– Ну, раз так, тогда конечно. Трогай в «Варшаву», – весело подмигнув спутнице, распорядился хозяин багажа.

На третий день пребывания в Ставрополе семья Ардашевых подписала купчую на новый дом. Построенный в стиле модерн особняк северным фасадом выходил на Николаевский про-

спект. По соседству располагалась арка Тифлисских ворот – начало главного городского бульвара.

Архитектурные изыски отличались смелостью решений. Входная дверь имела форму громадной замочной скважины. Прямоугольные окна с частыми переплетами визуально расширяли внутреннее пространство гостиной. Карниз, венчающий здание, придавал всему сооружению вид строгой роскоши.

Прошел месяц, и отделанный дубом кабинет принял первого посетителя. А совсем скоро их количество возросло настолько, что присяжному поверенному приходилось отказывать некоторым, не особенно приятным в общении, клиентам.

Жизнь постепенно входила в привычное русло, и незаметно пронеслись два месяца жаркого и ароматного, пахнущего степными травами лета. Дни были теплые, как и должно быть в августе, но ближе к полуночи ясно чувствовалось дуновение слабого, но уже настойчивого прохладного северного ветерка. Еще немного, и начнут отмирать по одному успевшие привыкнуть друг к другу листья. Наверное, именно об этом они скорбно шептались между собой вечерами, тихо шурша в кронах старых кряжистых кленов, раскидистых вязов и стройных лип.

4

Утренний гость

Проснувшись, как обычно, в половине восьмого и закончив приятную процедуру неспешного бритья, Клим Пантелеевич, в ослепительно-белой сорочке с массивными золотыми запонками и в костюме из темно-синего английского сукна, прошел в гостиную.

Самовар уже внесли. Нарезанная аккуратными ломтиками розовая ветчина благоухала свежестью, а принесенный из погреба осетинский сыр успел покрыться легкими, прозрачными каплями влаги. Супруга накрывала на стол. За восемнадцать лет совместной жизни Вероника Альбертовна сильно не изменилась: несколько пополнела, но сохранила обаяние юной доверчивой девчонки.

Разговор за столом не отличался особым разнообразием, а скорее походил на общение прилично воспитанных и уважающих друг друга людей.

– Надеюсь освободиться пораньше, – сказал Клим Пантелеевич, аккуратно намазывая масло на ломтик лаваша. – Может, на днях навестим Высотских? Послезавтра у них журфикс. Давно приглашают... Все обещаем зайти, да не получается. Неудобно как-то... Говорят, последнее время там собираются сливки местного провинциального общества.

– Хорошо было бы, право! Я так и не видела Виолету Константиновну после ее французской диеты, – проворковала супруга, снимая фарфоровый чайничек с верхушки самовара.

– Не спорю – диета штука полезная, но если еще и поститься как положено, то можно совсем себя извести. А мы с тобой, дорогая, тоже хороши: Успенский пост не соблюдаем, – расправляясь с алым куском ветчины, сокрушался Клим Пантелеевич.

– Почему бы нам самим не собрать гостей? А ты, как всегда, их чем-нибудь порадуешь. Помнишь, как долго все обсуждали приготовленный тобою шашлык? А чем на этот раз ты бы смог удивить ставропольское мелкопоместное дворянство? – будто не слыша упоминания о церковном запрете чревоугодия, подперев щеку рукой, весело интересовалась Вероника Альбертовна.

– Снова шашлыком, но не простым, а чабанским.

– Как это?

– Рецепт насколько прост, настолько и стар: хорошо промытые и посоленные куски свеже разделанного барана складывают в его же шкуру, завязывают оба конца пеньковой веревкой и, положив в яму, на полвершка засыпают землей. Сверху разводят костер и ждут, пока все угли полностью не перегорят. После этого шкуру вытаскивают, вскрывают, достают мясо и подают его гостям на лаваше. Весь фокус в том, что до поры до времени никто, кроме шашлычника, не знает, где находится мясо, и все терпеливо ждут, когда же, наконец, принесут все необходимое для жарки. А хозяин выдерживает паузу и, невозмутимо помешивая кочергой костер, ведет непринужденную беседу.

– Замечательно! Так за чем же дело стало?

– Тут главное, мясо должно быть нежным. Лучше всего, конечно, молодой карачаевский курдючный барашек. Сочная трава высокогорий придает такой баранине специфический аромат. Но... надобно сначала дожидаться окончания поста, а то ведь люди не поймут, – наливая чай с мятой, предположил хозяин дома.

Внизу зазвонил дверной колокольчик, что означало не только прерванный завтрак, но и, возможно, новости, которые иногда резко меняют нашу жизнь и не всегда в лучшую сторону.

Приветливая горничная уже впустила немолодого господина. В нем легко узнавался известный в Ставрополе делец в трех ипостасях: ростовщик (два собственных ломбарда), юве-

лир (мастерская и ювелирный салон на паях) и аптечный магнат (аптеки в Ставрополе, Кисловодске и Пятигорске) – Соломон Моисеевич Жих.

– Покорнейше прошу извинить, уважаемый Клим Пантелеевич, что так рано потревожил ваш покой и заранее не договорился о приеме, но дело, о котором пойдет речь, для меня очень важно. Могу ли я рассчитывать на аудиенцию? – слегка заискивающим тоном вымолвил Соломон Моисеевич. Белая рубашка визитера была не первой свежести – с полосками желтого высохшего пота по краям воротничка. Сильно нафиксатуаренный пробор делил его голову на две равные части.

– Не вижу препятствий, пройдемте в кабинет, – сдержанно ответил адвокат, и по его спокойному лицу пробежала едва заметная тень легкого неудовольствия. Сказать по правде, Жиха в городе не особенно жаловали, но обойтись без него тоже не могли.

Посетитель и хозяин удобно расположились в мягких кожаных с широкими подлокотниками креслах. Низкий столик из красного дерева разделял собеседников. Все детали кабинета были выполнены в английском стиле, характерном для начала уже безвозвратно минувшего девятнадцатого века.

– Видите ли, уважаемый Клим Пантелеевич, с самого детства мой покойный папа меня учил: «Сынок, работай и откладывай, и ты всегда будешь иметь кусочек хлеба и даже немного кошерной говядины на праздник». Я долго и усердно трудился, по крохам собирал капитал, во всем себе отказывал и только сейчас начал понемногу жить так, как давно живут почтенные люди нашего города, – вытирая платком пот дрожащими толстенькими пальчиками, быстро лепетал Соломон. – Вы, должно быть, видели мою Кларочку, она намного моложе, но ей удалось вернуть мне радость после смерти жены. Первое время наши чувства расцветали магнолией! Я мечтал о большой и дружной семье, а для будущих детей даже купил пианино работы одного известного мастера из Данцига. Но Клара просила подождать. Прошло три года. Я заметил, что ее стала одолевать скука, и она все чаще выражала неудовольствие по любому поводу. Мое существование стало невыносимым, но я продолжал мириться с ее прихотями. А что я мог поделать? – безостановочно прерывая себя глубокими нервными вздохами, почти задыхаясь, лепетал негоциант.

– Мне кажется, что вам не стоит так переживать. Разрешите угостить вас рюмочкой великолепной вишневой наливки. Вероника Альбертовна, моя жена, готовит ее по старому, очень редкому рецепту, из местной шпанской вишни. – Адвокат неторопливо подошел к стоящему у окна узкому, высокому шкафу из красного дерева, открыл резную дверцу, достал хрустальный, почти полный графин и две рюмки на изящных ножках. – Этот нектар прекрасно согревает кровь и успокаивает душу, – наливая напиток, гостеприимно и по-доброму произнес Клим Пантелеевич, проникаясь жалостью к этому несчастному человеку.

– Дай бог здоровья вам и вашей очаровательной хозяйке. Как учит нас Талмуд – добро рождает добро, – отпив глоток, ответил на любезность Жих.

– Благодарю вас, – слегка причмокнув от удовольствия и возвращая рюмку на столик, проронил хозяин дома.

– Я великодушно прошу вас сохранить наш разговор в секрете. Дельце, которое я вам поведаю, матримониальное и носит сугубо конфиденциальный характер, – осторожничал визитер.

– Хранить чужие секреты – неременный атрибут моей профессии. Это называется адвокатской тайной, – не сводя глаз с лица собеседника, сухо проронил Ардашев.

– Я в этом и не сомневался... Это я так, на всякий случай... Вы уж не обессудьте... Однако же я продолжу... Не так давно мы были в гостях у очень уважаемых и порядочных людей – у графа и графини Высотских. Вы хоть и новый здесь человек, а с ними, наверное, уже познакомились... – Ардашев утвердительно кивнул. – Так вот, когда после десерта я с Аристархом Илларионовичем вышел прогуляться в сад, то застал там Кларочку, беседующую

с молодым человеком. Его лица я толком не разглядел, да и он как-то сразу ретировался. Клара объяснила, что это доктор, у которого она лечится. Надо признать, последнее время она чувствовала себя неважно и довольно часто посещала врача. По-правде говоря, я большого значения этому не придал. Но не прошло и трех дней, как по почте некий аноним прислал цветную карточку, знаете, такие иногда продают в лавках, особенно на первое апреля, с рисунками срамного свойства. Вот, полюбуйте. – Соломон Моисеевич достал из внутреннего кармана надорванный сбоку конверт и передал адвокату. Внутри оказалась глянцевая открытка далеко не пуританского вида. На ней был нарисован доктор, приложивший ухо к обнаженной спине дамочки и страстно сжимающий ее пышный бюст. При этом мадам говорила: «Доктор, я лечусь у вас уже полгода, но по-прежнему чувствую стеснение в груди».

Лицо Соломона приняло багровый цвет и, раскрасневшись от обиды и постоянно промакивая носовым платком выступающую на лбу испарину, он продолжал:

– Мое больное сердце не выдержало, и я потребовал у жены объяснений. И она созналась. На самом деле это никакой не врач, а офицер кавалерии. Вы можете себе представить! Кларочка призналась, что она давно с ним знакома! Как она плакала! Моя девочка! Этот прощельга окрутил юное создание и, оказывается, добился ее! Он уже давно живет за ее счет, а точнее, за мой. Вы представляете? То есть он не только спит с моей женой, но, что еще более возмутительно – он ест мой кусок хлеба! – нервно теребя цепочку золотого брегета, свисавшую из кармашка жилетки на положенную длину, все более расходился Соломон.

– Да, вы правы, действительно субтильное дельце, – болезненно поморщился адвокат и, вытащив из внутреннего кармана жестяную коробочку монпансье «Георг Ландрин», протянул гостю.

– Премного благодарен. Однако я берегу зубы и от всякого рода леденцов воздерживаюсь, – извинительным тоном изрек хозяин ломбардов и аптек.

– А мне, знаете ли, помогают настроить мыслительный процесс. Пристрастился, после того как бросил курить, особенно к этим, московским. – Помедлив, Клим Пантелеевич отправил в рот конфетку зеленого цвета.

– Но это еще не все. Проблема в том, что некоторое время назад я сделал супруге подарок: оформил на Кларочку свою долю в ювелирном деле. Пусть, думаю, учится коммерцией заниматься. Человек-то я не молодой, страдаю сердечными спазмами... Вот и решил, что в случае моей смерти Кларочка без куса хлеба не останется. Жена-покойница была бездетной. Наследников других у меня нет. Я даже разрешил ей вояжировать в Москву и Санкт-Петербург для посещения ювелирных выставок. Но всплыла измена, опустили руки, и тогда я спросил себя: «А может, продать все? Уехать куда-нибудь на север Франции, например в Бретань, и любоваться из окна маленького и уютного дома Атлантическим океаном, а потом открыть там свое дело и жить новой, чистой, не запятнанной жизнью... с Кларой». А тут как раз кстати подвернулся один заказчик. – Жих умоляюще посмотрел на присяжного поверенного и, понизив голос, снова попросил: – Клим Пантелеевич, пожалуйста, сохраните в тайне то, что вам сейчас станет известно...

– Изволю заметить, Соломон Моисеевич, об этом мы уже говорили, – с ударением на «уже» напомнил адвокат.

– Да-да. Конечно, я ни в коей мере не сомневаюсь в вашей добропорядочности. Но... Вы уж простите великодушно, но последние два дня меня постоянно преследует какой-то непонятный страх. – Жих, забыв о платке, вытер потный лоб рукой. – Да ладно, не это главное... В общем, имеются у меня некоторые покупатели, назовем их – государственные чиновники, которые, по понятным причинам, свой капитал не афишируют. А чтобы деньги не обесценивались, они приходят ко мне инкогнито и скупают, часто на очень внушительные суммы, драгоценности. Пару месяцев назад я получил большой заказ на покупку камней и подумал: «А что, если к сумме, на которую покупатель собирается приобрести ценности, добавится и мой

собственный заказ? Таким образом я получу товар с большей скидкой, потратив сначала собственные средства, а затем, перепродав часть камушков, недурно заработаю на этой сделке. Самое главное – я получу возможность перевести весь свой капитал в чрезвычайно ликвидную субстанцию не только в России, но и за границей». Останется лишь сбыть ломбарды, коими давно интересуется начальник акцизного управления, господин Гайваронский, а потом найти покупателя на аптеки. И все. Я обсудил это с Кларочкой, и она согласилась... На следующий день на адрес ювелирного дома я отправил соответствующее письмо о скором нашем приезде, и уже через неделю мы с женой отправились в дальнее путешествие, дабы непосредственно в Париже оговорить условия сделки со старыми партнерами из торгового дома «Бушерон». Во Франции директор этой фирмы показал мне разного рода дорогостоящие камни и брильянты с новой огранкой. Я решил купить достаточно большое количество обработанных таким способом камней и одну прелестную вещичку. Сумма сделки была оговорена, и я оставил задаток. Мы также условились, что в скором времени по телеграфу я оповещу о готовности купить эти крохотные ювелирные шедевры. Какое удивительное было время! Кларочка веселилась как ребенок! Но мы вернулись домой. Мне понадобился месяц, чтобы получить нужную сумму под залог ломбардов и аптек. Как и условились, я послал телеграмму о готовности приобрести заказанный товар. Уже через неделю ответной телеграммой меня уведомили, что ожидаемая поставка произойдет в Ставрополе, и указали точную дату. А тут, знаете, я снова заметил перемену в поведении жены. В отношениях со мной она стала холодной и весьма раздражительной. А что касемо интимных отношений, то таковые отсутствуют уже два месяца и двенадцать дней... по причине ее постоянной усталости. Но это еще не все. Последнюю неделю мне иногда кажется, что моя подушка пахнет табаком, а я ведь никогда не курил! Боже милосердный! Я не могу себе даже представить, что кто-то спит на моей кровати. И что же мне делать, если она снова мне изменяет? К чему было тогда затевать всю эту историю с продажей всей собственности и переводом денег в драгоценные камни? Я иногда не знаю, как дальше жить! – Жих в отчаянии закрыл ладонями лицо.

– Прежде всего, надобно здраво оценить ситуацию. В конце концов, как говорят англичане, «не стоит долго плакать над пролитым молоком». В вашем случае семейная жизнь слишком тесно переплелась с коммерцией. Это всегда плохо. Вы должны сделать выбор: что вам важнее – дела торговые или семья? Насколько я понимаю, чаша весов склоняется ко второму, и, стало быть, ответ ясен. Да вы и сами его только что произнесли – все продать. Ломбарды – Гайваронскому, а долю вашей жены в ювелирном деле, смею предположить, господин Доршт выкупит с огромным удовольствием. И на аптеки покупатель уже есть – из Варшавы приехал некто Яков Аронович Пейхович, и он собирается составить вам конкуренцию. – Адвокат спокойно выводил «сына палестинских степей» из тупика.

– Я об этом знаю. Две недели назад этот бессовестный человек даже пытался переманить к себе моего управляющего – Ивана Байгера. Спасибо господу, Иван Генрихович честный человек – отказался. Этот Пейхович полностью лишен добродетели. Слышал я, что уехал он из Варшавы неспроста; что-то было там нечисто, вот он в Ставрополь и пожаловал.

– Так что, даст бог, поживете с женой за границей, душевные раны затянутся и все снова станет на свои места. По поводу продажи заложенного имущества не беспокойтесь. Я помогу вам составить трехстороннее соглашение.

Коммерсант на минуту задумался, достал из кармашка жилетки золотой брегет, посмотрел время и, закрыв щелчком часы, вновь обратился к своему визави:

– Клим Пантелеевич, я хотел бы заключить с вами некоторое соглашение... М-м... При чем действовать оно должно даже в случае... м-м... моей смерти. Никаких бумаг мы подписывать не будем, но ваши услуги я оплачу прямо сейчас. – Раскрыв бумажник как толстую книгу, Соломон Моисеевич почти полностью его опустошил, и на столике рядом с графином и двумя рюмками выросла стопка банкнот солидного достоинства.

– Позвольте поинтересоваться, Соломон Моисеевич, что же в таком случае будет входить в мои обязанности?

– Сейчас ничего. Разве что время от времени я буду иметь удовольствие пользоваться вашими советами. Но, упаси Господь, если мое сердце остановится, вы уж, пожалуйста, будьте тогда милосердны и найдите возможность помочь Кларочке. А главное – сохраните честь семьи и доброе имя моей супруги. Ведь она такая беззащитная и совсем еще... – Жих запнулся, с трудом сдерживая выступающие на глазах слезы, но быстро справился с нахлынувшими чувствами.

– Ну что ж, я согласен. Помогать людям – моя профессия. Надеюсь, смог быть вам полезен, – вежливо ответил Ардашев и, обратившись к горничной, попросил проводить гостя.

Вдруг Соломон Моисеевич повернулся и, слегка склонив голову в знак почтения, снова проговорил:

– Премного вам благодарен. – И добавил: – Пожалуй, вот и все, Клим Пантелеевич. – В его налитых кровью глазах читалось беспокойство, смешанное с тревогой и печалью, а в словах оставалась какая-то недосказанность.

– Всегда рад помочь, – любезно откликнулся присяжный поверенный.

Прислуга отворила стеклянную дверь с массивными ручками. Гость благодарно кивнул и вышел. Юное утреннее солнце весело забавлялось, осыпая лучами прохожих, и не обращало никакого внимания на появившиеся неизвестно откуда грозовые тучи.

Присяжный поверенный вернулся в кабинет. На столе осталась лежать забытая открытка и конверт. Адвокат интуитивно, сам не зная зачем, костяным канцелярским ножом письменного прибора аккуратно вскрыл конверт по всей клеящей стороне и обнаружил несколько рыжих волосков, очевидно от чьих-то усов. А в самом углу застрял сигарный пепел.

5

Rendez – vous со смертью

Понедельник, по обыкновению, у Ардашева проходил всегда вполне предсказуемо: участие в судебных слушаниях до часу дня, неспешный обед и снова заседания часов до шести, по окончании которых обмен мнениями с коллегами в коридорах или у дверей окружного суда. Работа завершалась медленной пешей прогулкой по Николаевскому проспекту до самого дома. Неторопливый променад с любимой, отделанной серебром английской тростью был значительно приятней, нежели тряска по булыжной мостовой в пыльной коляске извозчика.

Высокая круглая тумба для всякого рода объявлений, установленная у самого начала проспекта, на этот раз со всех сторон была заклеена кричащими ярко-красными афишами Русского драматического театра из Варшавы: комедии, трагедии и даже один водевиль предлагались на вкус не избалованной заезжими знаменитостями публики южного города.

Бесполезные днем электрические лампы на высоких столбах еще не зажглись, да и освещали они только Николаевский проспект от дома губернатора до Тифлиссских ворот, во всех же остальных местах службу несли проверенные временем, издающие легкое шипение, надежные керосинокалильные фонари.

Летом темнеет поздно. Легкомысленные парочки медленно прохаживались под густыми кленами, ивами и каштанами, заботливо закрывающими горожан как от палящего солнца, так и от проливного летнего дождя. Бульвар, на две версты протянувшийся по всей центральной части города, был не только любимым местом вечернего променада, но и являл собой местную достопримечательность. Ставрополь без Николаевского проспекта – не Ставрополь.

Когда Клим Пантелеевич уже прошел «Красную аптеку» и почти поравнялся со ступеньками Соборной лестницы, до него донесся истошный женский вопль. Ускоряя шаг практически до бега, адвокат увидел прямо перед собой обезумевшую от страха и рыдающую навзрыд уличную разносчицу сладостей.левой рукой она прикрывала в ужасе рот, а правой показывала в сторону чугунной лавочки, слабо различимой в густых ивовых ветвях.

На скамейке, облокотившись на кованую спинку, сидел человек с отброшенной назад головой. Из тонкой багровой борозды, опоясывающей шею, капала и растекалась кровь, заливая белый воротник сорочки, темно-синий сюртук и даже брюки. Из левого уголка рта торчал окровавленный кончик языка. На искаженном предсмертными судорогами лице мученика застыла жуткая гримаса. Глазные яблоки с закатившимися зрачками вылезли из орбит. В несчастном с трудом узнавался нежданный гость, посетивший адвоката в прошлую среду, – Соломон Моисеевич Жих. Под лавкой валялся открытый и совершенно пустой саквояж.

– Он только что был жив! Я продала ему коробку леденцов! У меня не было сдачи, он сказал, что подождет. Я сходила... пришла... смотрю, а он мертвый... Боже милостивый! А-а-а! – голосила баба в завязанном на малороссийский манер платке.

– Какая коробка? – переспросил адвокат, уставившись на труп.

– Да вот такая, кругленькая, как у меня на лотке, – плача гнусавила женщина, протянув монпансье «Москва».

Через некоторое время, обгоняя трель казенного свистка из нейзильберового сплава, побрякивая орденами и медалями, с нашитой на воротнике кафтана петлицей гвардейского образца, примчался запыхавшийся городской 1-го разряда Степан Силантьевич Переспелов, всей округе известный как Силантьич. На посту – напротив губернаторского дома – он стоял уже пятнадцатый год. О том, что нынешний страж порядка в прошлом заслуженный воин, кроме боевых наград, свидетельствовал нашитый унтер-офицерский поперечный погон.

– Так, укокошили, значит, сердешного, земля ему пухом... Я попрошу вас, господа, отойти в сторонку, пока полицейская пролетка не прибедет. И ничего не трогать! Дело горестное, но наша работа все изучить. Так, Аверьян, быстро дуй на гору в полицейское управление и скажи там, что душегубство сотворилось на бульваре. А я пока здесь побуду, до прибытия начальства, – покашливая в кулак и поправляя от волнения козырек фуражки, приказал появившемуся дворнику городской. Любопытная публика обступала лавочку со всех сторон.

Еще через четверть часа стук копыт по булыжной мостовой заставил толпу собравшихся зевак повернуться. С ипподромной скоростью приближался полицейский фаэтон. У лошадей, как у мифического Пегаса, казалось, выросли крылья. Соскочив на ходу, начальник сыскного отделения Ефим Андреевич Поляничко уверенно направился к месту происшествия, за ним, перебирая короткими ножками, «катился» круглый, как бильярдный шар, его первый помощник – Антон Каширин. Широким шагом уверенного в себе человека шел молодой судебный следователь в форменном сюртуке, а за ним, спотыкаясь о булыжную мостовую, едва поспевал врач, недавно прикомандированный к полицейскому управлению. Замыкал процессию штатный фотограф, о чем красноречиво свидетельствовали лежащая на плече деревянная тренога фотографического аппарата «Конрад» и парусиновая сумка с кассетами и объективом в правой руке.

Первым дали работать фотографу. Он быстро приготовил камеру на штативе, набросил на голову накидку из черного, светонепроницаемого плотного материала, вспыхнул магнием и сделал снимок, потом другой, третий... Поляничко мерил карманной рулеткой какие-то расстояния и отмечал их мелким, диктовал что-то своему заместителю, который, пожевывая губы, старательно заносил данные в блокнот.

Судебный следователь внимательно осмотрел убитого и складной карманной лупой скрупулезно обследовал лавочку, затем стал на четвереньки и, не обращая никакого внимания на ехидные усмешки зевак и безнадежно испорченные брюки, добросовестно излазил вдоль и поперек все пространство на пару сажений вокруг. Успокоившись, он занялся своей главной обязанностью – составлением протокола осмотра места совершенного преступления.

Тем временем доктор, склонившись над трупом, молча записывал огрызком химического карандаша только ему понятные «иероглифы» в небольшую книжицу. Закончив осмотр, полицейские вполголоса обменялись мнениями, сели в карету и отбыли назад в управление. На крытой повозке приехали санитары. Уложив труп и накрыв его рогожей, они отбыли в морг городской больницы. После их отъезда любопытная толпа полностью потеряла интерес к горестному событию и стала расходиться.

Оставаться на скорбном месте смысла не было, и Клим Пантелеевич собрался было удалиться, но его внимание вдруг привлек едва заметный и немного спутанный кусок толстой проволоки, торчащий из разросшегося куста барбариса. Легко просунув трость в середину зарослей, Ардашев вытащил находку. «Ну конечно, обычная струна от фортепьяно», – подумал адвокат и, аккуратно завернув ее в белоснежный носовой платок, положил в карман сюртука.

Мало надеясь на удачу, присяжный поверенный все же решил попытать счастья в поиске других улик. Но это было не просто. Молодой следователь добросовестно «вспахал» прилегающий к скамье участок, и после него найти что-нибудь, казалось, будет делом невозможным.

«Повезло однажды – повезет и дважды», – Клим Пантелеевич вспомнил знакомую еще с детства поговорку и, присев на корточки с обратной стороны лавочки, раздвинул примятую траву как раз в том месте, где в момент убийства предположительно мог находиться злоумышленник. На мокрой после ночного ливня земле ясно отпечатались четкие следы каблучных набоек. А в левом углублении, острием вверх, виднелся глубоко утопленный в грязи крохотный сапожный гвоздик со шляпкой в форме треугольника. И вторая находка, завернутая в клочок брошенной кем-то конфетной обертки, перекочевала на дно того же бокового кармана, где уже покоилась найденная струна.

Теперь благодаря легко узнаваемым характерным приметам обуви можно было попытаться поискать следы преступника с уже известными признаками. У самой кромки дороги, куда, слава богу, не успел добраться следователь, адвокату удалось обнаружить четыре никем не затоптанных, почти параллельных и находящихся на достаточном расстоянии друг от друга следа с характерными подковками, подбитыми гвоздями со шляпками треугольной формы. Потоптавшись немного подле еще «не остывшего» скорбного места, Ардашев наконец продолжил прерванный путь домой.

Несмотря на то что бывшему коллежскому советнику приходилось в жизни видеть многое, все же это убийство потрясло его. Еще в прошлую среду он встречался с человеком, который был полон скромных надежд и простых намерений, не зная, что судьба отмерила ему только пять суток. И кто-то там, на небесах, уже решил поставить в его жизни трагическую точку, а здесь, на земле, всего лишь исполнили приговор. От осознания людской беспомощности перед фатальной неизбежностью смерти становилось грустно.

Человек спокойный и уравновешенный, Клим Пантелеевич хоть и повидал в жизни многое, но совсем избавиться от тягостных мыслей не удавалось. Сцена гибели Соломона стояла перед глазами. На помощь могло прийти старое и действенное средство – смена обстановки, тем более что еще утром супруги планировали навестить Высотских, и хотя журфиксы, как правило, устраивались в конце недели, изнывающие от безделья хозяева гостям радовались всегда.

Уставшая от провинциальной скуки Вероника Альбертовна с радостью приняла предложение. Правила этикета все-таки предписывали предупредить о визите. К счастью, теперь не было необходимости посылать прислугу с визитной карточкой и справляться о времени. В этом году адвокат попал в число новых абонентов телефонной станции. Супруга приставила к уху слуховой рожок телефона и ласковым голосом проговорила в черную воронку амбушюра:

– Будьте добры, номер один, двенадцать.

– Соединяю, – пропел знакомый голос телефонистки центральной станции.

После нескольких гудков трубку взяла сама Виолета Константиновна и восторженно сообщила, что сегодня они ожидают гостей числом не более десяти и она была бы рада встрече с Вероникой Альбертовной, а супруг хозяйки с удовольствием составит Климу Пантелеевичу партию в шахматы или на бильярде.

Ардашевы собирались недолго. Извозчик, по обычаю, подкарауливал пассажиров на перекрестке у мануфактурной лавки и, как обещал, домчал быстро и с комфортом.

Многочисленные фотогеновые фонари, точно гвардейская стража, обступили со всех сторон особняк Высотских, а модные голубые ели, украшавшие фасад, придавали серому зданию ощущение таинственности и какого-то зловещего безмолвия.

Городские обыватели размеренно и чинно прогуливались мимо по живописной липовой аллее. Беззаботно и радостно публика собиралась провести очередной августовский вечер 1907 года, и только смутная, необъяснимая тревога продолжала разъедать остатки душевного спокойствия адвоката.

6

Тревожные будни полиции

Утром в полицейском управлении всегда царил повседневная и слегка напряженная рабочая неразбериха. Нижние чины с папками носились вверх и вниз по лестницам, а начальство размеренно и чинно шествовало по коридорам первого этажа. Обычно так продолжалось до обеда. Затем все расходилось по кабинетам или отправлялись в город.

Полуденное солнце окончательно разморило начальника Ставропольской губернской полиции Ипполита Константиновича Фен-Раевского. Прогнать внезапно нахлынувшую дремоту лучше всего было стаканом хлебного кваса, приготовленного из ключевой воды, бежавшей по глиняным трубам из лесного родника, что в предместье Ставрополя. Старики считали этот источник целительным и спасающим от многих болезней. Как утверждал местный доктор Конради, вода из урочища Карабин действовала как успокоительное средство и отличалась повышенным содержанием йода. Главное – отпив несколько глотков удивительного напитка, всегда удавалось найти нужные слова и аргументы для очередного отчета вышестоящим начальникам. Да и здоровье, подорванное нервной работой и многолетними вредными привычками, мятному квасу никак не противилось.

Наполнив хрустальный стакан, Ипполит Константинович стал набрасывать план срочной депеши в Санкт-Петербург о готовящихся мероприятиях по обезвреживанию банды Рамазана Тавлоева, головореза и убийцы, по кличке Рванный. Прозвище свое он получил еще в семнадцать лет, когда, несмотря на разорванную чабанской собакой кровоточащую лопатку и прокусанную руку, проскакал на лошади до своего родного аула почти двадцать верст.

Спустя месяц, когда раны затянулись, а русские пастухи успокоились, Рамазан купил у соседа винтовку, вернулся и, перестреляв всех собак, угнал чужую отару. А досадившего ему чабана привязал к стволу сухого дерева, что лежало поперек волчьей тропы на водопой. С наступлением темноты за несколько верст были слышны крики мученика, перекрывавшие даже шум быстрой реки Кумы. Обглоданный труп нашли только через три дня.

Бежавший с этапа на Читинскую каторгу, приговоренный к семнадцати годам за убийство, воровство и разбой, уроженец Башиганских песков, сын даргинца и черкешенки вселял ужас всем почтарям губернии. Последние три месяца курьеры отказывались отправляться в уезды без охраны. Большое Дербетовское приставство, Трухменское и даже спокойный Медвеженский уезд стали зоной действия шайки. В этой ситуации помочь могли только решительные и продуманные действия. Медлить было нельзя. Уже на 1 августа насчитывалось четыре вооруженных нападения на почтовые фаятоны, перевозившие наличность для выплаты жалования земским чиновникам, учителям и врачам. Во всех случаях свидетели безжалостно уничтожались.

Разграбив карету, сопровождающих отводили в сторону от почтового тракта и убивали из маузера выстрелом в голову. А двум несчастным фельдъегерям, чей мундир напоминал полицейский, перерезали горло от уха до уха. Оставшихся лошадей с помощью перекупщиков продавали цыганам. Благодаря сведениям от осведомителя в ресторане гостиницы «Варшава», полового Федьки Кожемяки, был установлен, задержан и помещен в тюремный замок Ставрополя один из скупщиков ворованных коней. Через него планировалось выйти на Рваного. Однако старый прощелыга отказался сотрудничать с полицией, уверяя, что он всего лишь «хотел купить пегую пару подешевле, а продать подороже и знать не знал и духом не ведал, что лошади были казенные», а что до клейма – так он сразу его и не разглядел, потому как стар да зрением слаб. А купил их у какого-то черкеса, фамилию у него не спрашивал. Никакого Рваного или Рамазана он не знает. «Обманул мазурик, сказал, что кобылы его. Теперь вот и лоша-

док забрали, и гроши потерял. Вы уж, господин полицейский, помогите да найдите жулика», – фальшиво кривляясь, лепетал оказавшийся дважды судимым за воровство Степан Безуглов.

Другие облавы на Рваного тоже закончились неудачей. В самом начале года стало известно о нелегальном доме терпимости, открывшемся под вывеской «Массажный салон» на Мещанской улице. Некая Фатима Загилова поселила в снятых ею апартаментах девиц легкого поведения. До поры до времени полиция лишь наблюдала за деятельностью «красного фонаря» и никаких мер не предпринимала. Когда же сводница зашла слишком далеко и попыталась через портье гостиницы «Коммерческая» предложить постояльцам услуги своих подопечных, с нею провели беседу, по окончании которой она «добровольно» согласилась на тайное сотрудничество с полицией.

В первых числах июля новоявленная осведомительница сообщила, что повадился к ней один даргинец. По описаниям, как раз Рваный. Появляется он ближе к полуночи, в номерах не остается, а берет белокурую Ингу и, оплатив ее услуги, уезжает вместе с ней на извозчике куда-то в район бывшего солдатского поселения, именуемого в простонародье Форштадтом. Наутро девушка возвращалась сама.

Это городское захолустье никак не освещалось, и с наступлением темноты в нем немудрено было и заблудиться. Полиции с трудом удалось найти турлучную хату, где проводила время парочка. Засады, устроенные в салоне на Мещанской и в доме на Форштадте, результатов не дали. Рваный как в воду канул.

Поскольку все предпринятые усилия по поимке Рамазана провалились, у Ипполита Константиновича все более крепло убеждение, что у преступников имеются осведомители среди либо полицейских, либо иных лиц, непосредственно соприкасающихся с носителями закрытой информации.

Исходя из проверенной временем истины «что знают двое, то знает и свинья», старый и опытный чиновник решил не описывать руководству все подробности плана, а ограничиться лишь общими фразами. Весь текст было поручено зашифровать и отправить телеграфом.

Незаметно рабочий день приближался к концу, и шеф ставропольских полицейских мысленно предвкушал вкусный ужин с селедочкой под уксусом, настоящим на базилике, а к нему обязательное приложенье – запотевший от холода графин со «Смирновской»... Но неожиданно двери шумно распахнулись, и в кабинет вихрем влетел обеспокоенный начальник сыскного отделения. За ним неслышно ступал его заместитель Антон Каширин. Встревоженный вид главного сыщика губернии свидетельствовал о том, что стряслось что-то из ряда вон выходящее.

– Ваше высокоблагородие, на Николаевском Жиха убили, только что. Мы обследовали место происшествия и пока можем говорить лишь о том, что смерть наступила примерно час-полтора назад. Задушили его прямо на лавочке. Видать, кто-то сзади подкрался и затянул петлю у бедолаги на шее. Первой убийство обнаружила разносчица сладостей, она конфетами на углу всегда торгует, – деловито объяснял Ефим Андреевич. – Мы допросили ее. «Смотрю, – говорит, – подходит ко мне прилично одетый господин, дает червонец и покупает коробку монпансье. А сдачи не нашлось. «Ступай – говорит, – милая, поменяй в трактире, а я тут на лавочке пока твои леденцы отведаю». Через пять минут она вернулась, чтобы отдать сдачу, а он уже мертвый. Понятное дело, у нее истерика началась. Вокруг народу собралось... Тьма! Ведь место это особой любовью у парочек гуляющих пользуется.

– Смею донести до сведения вашего высокоблагородия, – несколько смущаясь своей смелости, подобострастно начал Антон Каширин, – у покойного во внутреннем кармане лежал пузырек с микстурой «Капли от мигрени» и квадратная коробочка с леденцами «Георг Ландрин». А у торговки он купил монпансье «Москва», но уже в круглой коробке. Так вот их при нем почему-то не оказалось.

– Где же они? – спросил начальник.

– Исчезли. Вряд ли бы их кто-то из прохожих подобрал, – поделился сомнением Поляничко.

– Получается, что их убийца забрал, что ли? Чепухенция непонятная, господа. А деньги целы? – задал обязательный вопрос Ипполит Константинович.

– Все на месте. Триста пятьдесят рублей находились в портмоне, да и часы золотые швейцарские брегет с цепочкой – в целости и сохранности. Еще пустой кожаный саквояж под скамейкой валялся. Все, что было при нем, сдали в участок по описи. Да, вот еще. Куда нам деть сдачу, что торговка принесла? – доставая из кармана деньги, поинтересовался Ефим Андреевич.

– Все вносите в опись, а потом вдове передадим, – указал полицмейстер и добавил расстроенным тоном: – Вот это новость так новость. Хуже не придумаешь. Придется губернатору утром докладывать. Одного понять не могу, кому этот Жих не угодил? Ведь человек был тихий, никого не трогал. Женился недавно. Что-то здесь не так. – Ипполит Константинович поднялся из-за стола, подошел к окну и, глядя на склонившуюся под зрелыми плодами яблоню, про себя заметил: «А Жиха-то убили аккуратно на Яблочный Спас». Из раздумий его вывел голос Поляничко:

– Если позволите заметить, надобно расспросить всех, кого видел Соломон за последние дни. Может, поспорил с кем или дорогу кому перешел? Я уже разузнал, что молодая жена покойного, Клара Сергеевна Жих, была замешана в адюльтере с поручиком 15-го драгунского полка, – козырнул умением добывать быстро нужную информацию лучший сыщик губернии.

– Ну-ка, ну-ка... поподробней... И кто же он? – осведомился полицейский чиновник, а в глазах у него вспыхнул какой-то хитрый огонек.

– Бронислав Арнольдович Васильчиков. Говорят, отчаянный храбрец. Добровольцем ушел на японскую войну. Конный разведывательный дозор под его командованием захватил японского генерала со всей свитой и документами. Сам же поручик остался прикрывать отход и увел погоню в ложном направлении. Спасся чудом. За это был награжден именными часами и георгиевским крестом. Досрочно присвоен чин штабс-ротмистра. Вернувшись обратно в полк, пытался соблазнить жену местного предводителя дворянства, но потерпел фиаско. Затеял ссору на рождественском ежегодном балу и вызвал на дуэль кого-то из местной польской знати. За этот поступок снова был понижен до поручика и переведен в Ставрополь.

– И как она, Клара Сергеевна, хороша? – подмигнул полицмейстер.

– Весьма! – парировал сыскарь.

– Ну, и удалось ли ему окончательно ангажировать сию мадам? – с некоторой долей азарта осведомился Ипполит Константинович.

– Этого знать не могу, да и не хочу. Как говорит наш батюшка Филарет, «незаконные интимные связи богопротивны суть».

– А зря, зря. Ты все знать должен. Для того мною здесь и поставлен. Ну ладно, значит, так: пьянь эту завтра же утром арестовать, – тяжело опустившись в кресло, приказал полицмейстер.

– Осмелюсь заметить, для этого мы не имеем достаточных оснований, да и его полковое начальство сразу же начнет скандалить, – возразил Ефим Андреевич.

– А это, господин коллежский асессор, не вашего разумения дело. Постановление на арест подготовьте, а я подпишу, – раздраженно заметил начальник полицейского управления.

– Прикажете допросить подозреваемого? – осведомился Поляничко.

– Вы что, циркуляр забыли или, может, напомнить вам обязанности при производстве ареста? Вы где обучались? – теряя самообладание, все больше выходил из себя хозяин кабинета.

– Виноват, ваше высокоблагородие, на медные деньги учен-с. Исполню как прикажете-с, – не желая дальше «дразнить гуся», вытянулся во фрунт Ефим Андреевич.

– То-то же. Вы, Поляничко, не зарывайтесь. А то вот поставлю на ваше место Каширина, тогда у вас хватит времени с инструкциями ознакомиться, – кивая в сторону молчавшего все это время Антона Филаретовича, слегка подбравшим голосом вполголоса пробубнил начальник. – Ступайте работать! – закончил беседу Фен-Раевский и хлопнул слегка ладонью по зеленому сукну письменного стола.

Откинувшись в кресле и глядя вслед удалявшимся подчиненным, полицейский начальник самодовольно хмыкнул: завтра он сможет доложить губернатору о поимке опасного злодея, осмелившегося учинить смертоубийство чуть ли не под окнами губернаторского дома. Останется только документально изобличить мерзавца и получить собственноручно написанное признание. А уж это в Ставропольском полицейском управлении делать умели всегда.

«Зря я все-таки обидел этого старого служаку, – с горечью сожаления подумал полицеймейстер. – Уж как ни как, а двенадцатый год верой и правдой... При нем розыск преступников достиг несомненных успехов. А фотографирование и ведение картотеки на каждого задержанного? Ведь это опять же Поляничко организовал. Чуть свет – он уже на службе, а уходит затемно... Оно, конечно, мужичонкой-то неотесанным от него несет... Ну а куда деваться? Отец-то его из крепостных в купцы выбился, да и отдал младшего сына на обучение... Ну да ладно! Чего уж там! Вся страна такая! Вот недавно привели одного мазурика. На стул посадили, на грудь, как положено, повесили дощечку с фамилией, с годом съемки и номером. Фотограф магний жечь стал. Накидку набросил. Вроде бы все быстро и без затей: раз – en face, два – в профиль. Да куда там! Вор, чтобы его фотографическое изображение не удалось, начал гримасы корчить! Ефим Андреевич смотрел на его выкрутасы, смотрел, молчал, все табачок нюхал, а потом надоело ему, и приказал он этого супостата увезти. Утром охрана рассказывала, что этот самый вокзальный воришка всю ночь в дверь камеры стучал. «Хочу, – говорит, – на энту карточку сниматься, и как можно скорее». Спрашиваю на следующий день у Поляничко, как это он его так быстро сумел уму-разуму научить. А тот молчит и только хитро в ус посмеивается... Ну, вобщем, рассказал. Оказывается, посадил он его в камеру к одному буйно помешанному преступнику. Жена его в заезжем цирке арену подметала да изменила мужу с клоуном. Но «люди добрые» ему об этом донесли. Домой пришел, как мог, себе лицо размалывал, Арлекином нарядился и стал ждать благоверную. Не успела она войти – он ей нож в сердце... А потом голову ей отрезал и вместе с этим искаженным от страха женским лицом стал заглядывать в окна домов и самолично корчить рожи. Полгорода чуть заиками не сделал. Насилу его городской догнал да в камеру запер. Мужик-то умом тронулся, но гримасы строить продолжал. Вот к нему-то и посадили вора, чтобы не скучно было, да только он такого соседства не вытерпел... Ну, а что до православных правил, то, конечно, лучше Ефима Андреевича только один батюшка, наверное, церковную службу знает. Тут уж ему равных нет! Да и то, бывало, сетует, что молодые священники служат с пропусками, торопливо и небрежно. А как он молится! Истово, усердно крестясь с поясным поклоном, как старый опытный монах, и большую часть службы простаивает на коленях. С главной задачей – раскрытием преступлений – Поляничко справляется, но делает это не столько благодаря логике рассуждений, сколько житейской мудрости и огромному жизненному опыту. Даст бог, до пенсии дослужит. А там, году в двенадцатом, выйдет в отставку с шестым разрядом – коллежским советником. Ну, это потом будет, а пока только двести рубликов в месяц – особенно не разгуляешься. Шутка ли, шестеро детей и всем образование дал! Четверых сыновей выучил! А две его девочки-близняшки с отличием гимназию окончили. Теперь вот барышни на выданье. Такой вот у меня начальник губернского сыска – другого не надо».

Жалобно застрекотал телефонный аппарат. Оказалось – жена. Наталья Никитична сообщила мужу, что Высотские сегодня приглашают к себе. Идти в гости не хотелось. Придется утолять любопытство присутствующих и отвечать на вопросы о сегодняшнем происшествии, чего должностное лицо, да еще такой важный полицейский чин, делать не должно. С другой

стороны, не меньше прельщала возможность получить дополнительную информацию о фигурантах нашумевшего преступления. В таком деле даже сплетни могут оказать неоценимую услугу, а потому приглашение было принято, и через час Фен-Раевские уже поднимались по ступеням мраморной парадной лестницы, охраняемой с боков каменными львами.

7

Нежданный журфикс

Особняк Высотских стоял на Александровской улице и вполне бы сошел за средневековый замок, если бы не современный стиль. Здание казалось еще выше благодаря классическим греческим вазам, венчающим весь передний декор. Двухэтажный дом выходил на улицу фасадом, отделанным голубой голландской плиткой и украшенным узорчатыми входными дверями. Его внутреннее убранство было под стать внешнему. Парадная лестница разбивалась об ослепительно яркую переднюю, пол которой был выложен белоснежным мрамором, покрытым персидским ковром овальной формы. Холодный камень прихожей уступал дорогу благородному дубовому паркету с восточным орнаментом. Потолок, несмотря на тяжесть массивной золоченой лепнины, отличался легкостью и наполнял светом все помещение огромной залы, которое из-за расположенных в самом верху зеркал казалось бесконечным.

Гостиная, бильярдная, музыкальный салон, кофейная и курительная комнаты – все было обставлено хорошей подделкой под антикварную мебель периода Людовика XIV, а развешанные по стенам гобелены многократно усиливали ощущение реальности раритетов.

Непосредственно за домом раскинулся фруктовый сад с прудом, питавшимся хрустально чистой водой из Желобовского ручья.

Как правило, собирались по пятницам. Пропускали только пятницу 13-го. Гостей здесь жаловали в любое время, и всегда могли являться без приглашений. Но, как люди воспитанные, они каждый раз осведомлялись у хозяев об удобном для них времени приема.

Каждую входившую пару встречала всегда улыбающаяся Виолета Константиновна. В свои сорок она очень хотела выглядеть на восемнадцать. Этим все и объяснялось: еженедельная смена цвета волос и причесок, бесконечно глубокие разрезы и декольте, всевозможные прозрачные воздушные накидки и экстравагантные турецкие юбки-шаровары. Сначала это немного шокировало, а потом к ней стали относиться как к еще одному из диковинных украшений огромного дома, вроде екатерининского кресла или старого бухарского ковра. Эпатировать публику нарядами Виолете Константиновне сам бог велел – она содержала модный и дорогой салон-ателье тканей, ввозимых из Парижа. В «Maggi» работало два десятка белошвеек, и к сердцу каждой успевал подобрать ключик супруг графини – Аристарх Илларионович. Жена знала об этих связях и прощала. Да и граф частенько отпускал ее одну на Воды.

Всегда в хорошем настроении, небольшого росточка, пузыреобразный, с бегающими туда-сюда глазками, граф Высотский имел не очень приятную привычку при разговоре с дамами делать губы бантиком, умиленно заглядывать в глаза и причмокивать при этом. Но и к нему привыкли и перестали удивляться и обращать внимание. В конце концов, эти господа могли позволить себе жить как им хочется и оплачивать не только свои потребности, но и многочисленные прихоти. Многие из гостей не были настолько платежеспособны, как хозяйка особняка, а потому с некоторой завистью смотрели на нескончаемые праздники богатой семьи.

Вокруг бильярдного стола царил оживление. На зеленом сукне сражались присяжный поверенный Ардашев и полицмейстер. Обе сыгранные партии закончились для Фен-Раевского плачевно, и две бумажные купюры достоинством в десять рублей каждая, одна за другой, уже тихо перекечевали из портмоне полицейского в кожаный бумажник адвоката. Шла заключительная третья партия. Клим Пантелеевич не спеша готовился к удару: тщательно мелил кожаную пробку кия и, вращая его левой рукой, ловко наносил мелом спиралеобразную ленту по всей его круглой поверхности.

– Восьмым десятку налево в угол, – заказал Ардашев и молниеносным ударом вогнал шар в лузу.

– Всегда восхищаюсь вашей игрой, уважаемый Клим Пантелеевич. Как вам удается так виртуозно владеть этим благородным искусством? Шары у вас будто прирученные.

– Папашу¹ четверкой от борта на себя в середину, – пропуская мимо ушей хвalebные речи, объявил удар адвокат.

– Ну, это уж слишком, такие «чужаки» из области фантастики, – тихо возмущался отстающий по очкам Фен-Раевский, но шар снова послушно «забежал» в середину.

– Ну, вот и партия. Спасибо за игру. – Победитель пожал руку сопернику, который, огорченно вздохнув, расстался еще с одной красной купюрой.

– Да, сегодня не мой день. Вот и вам проиграл... Последнее время одни неприятности то и дело сыпятся на мою голову... Не везет... К застреленным французам добавился еще и задущенный коммерсант. А столичное начальство все торопит, все шлет бесконечные телеграммы и спрашивает, когда же мы наконец эту бандитскую шайку поймаем, – сокрушался начальник полиции.

– Позвольте, не понял, о чем вы?

– Да я про поезд, что к нам с труппами пришел. Вам доверяюсь, как порядочному человеку и, можно сказать, коллеге. А что, если те двое грабителей, совершившие налет, действовали по чьей-то указке? И где гарантия, что этот человек сейчас с нами чаи да кофеи не распивает? – полушепотом, доверительно сообщил Ардашеву свои опасения полицмейстер.

– Не исключено, конечно. Я читал об этом происшествии и обратил внимание на то, что иностранцев застрелили из маузеров, так ли это? – как бы между делом поинтересовался Клим Пантелеевич, открывая коробочку монпансье.

– Именно так и есть. Оружие новое, в Россию не поставлялось. Откуда оно у грабителей? Ума не приложу... Одни загадки... И хоть этим делом занимается Фаворский, все равно с меня спросят. А убийство Жиха? Тоже ведь много непонятного, прямо чертовщина какая-то... Среде бела дня... то ли петлю накинули, то ли веревку, – развел в недоумении руками Ипполит Константинович.

– В данном случае, Ипполит Константинович, я думаю, смогу вам немного помочь, – с этими словами адвокат достал из внутреннего кармана запечатанный бумажный конверт и передал его Фен-Раевскому. – Это гаррота, или удавка по-нашему. Излюбленный способ казни в Испании. Там жертву, приговоренную к смерти, умерщвляли с помощью накрученной на палку веревки. Теперь в этой стране петля трансформировалась в металлический обруч, который приводится в движение винтом с расположенным сзади рычагом. Перед казнью осужденного привязывают к стулу и надевают на голову мешок. Как ни парадоксально, но испанский способ казни значительно гуманнее (если это слово здесь вообще приемлемо), нежели наша русская виселица, от которой страдания дольше. Но вернемся к убийству на Николаевском: для того чтобы избавиться от орудия убийства, преступник засунул его в куст барбариса, растущий рядом с лавочкой. Могу сказать, что злоумышленник очень торопился расправиться со своей жертвой и поэтому не подготовился как следует. Роль удавки выполнила обычная фортепьянная струна. На ее концах отсутствуют ручки, облегчающие сам процесс затягивания, или хотя бы петли для пальцев. Я случайно проходил мимо и обнаружил эту находку, но уже после того, как место преступления осмотрели полицейские, – закончил объяснять адвокат.

Полицейстер от изумления не мог вымолвить ни слова, беспрестанно хлопая себя руками по бедрам, чем напоминал ожиревшую домашнюю птицу, собирающуюся вспорхнуть.

– Ну, Клим Пантелеевич, дорогой мой, спасибо. А Поляничко у меня по первое число получит. Только ведь с учебы вернулся из столицы. Собрали всех начальников сыскных отделений России, оказалось, этих бездельников у нас аж восемьдесят девять. Месяц стажировался. Гулял небось за казенный счет. Учить мне их не переучить. Всем же свои мозги не вставишь!

¹ Папаша (жарг.) – шар № 15.

А работать надо. Ничего не попишешь, – извинялся за промашку подопечных недавний соперник по игре. – Вы бы, Клим Пантелеевич, к нам на службу. А? Милости просим! Да только знаю, откажетесь, – разочарованно махнул рукой государственный чин и направился в курительную комнату.

У Высотских, надо признать, собирался весь цвет ставропольского общества. Люди были преинтереснейшие. Взять хотя бы Вениамина Яковлевича Доршта. Блондин, роста среднего, с аккуратными, но рыжими усами в форме бабочки, от спокойной и размеренной жизни успевший к тридцати пяти годам значительно располнеть. Отец троих детей нигде не служил и конторы своей не имел. Вениамин Яковлевич занимался финансовыми консультациями, которые давал у себя дома. Принимал не всех, а только по рекомендациям.

Как родным, он владел немецким, французским и английским языками и еще на трех мог свободно читать. Корреспонденцию ему доставляли в почтовой карете, по причине того, что в сумке почтальона столько газет и журналов со всего света уместиться не могло. Постоянное чтение привело к близорукости, и без очков он напоминал только что проснувшегося слепого крота.

Доршт никогда не спрашивал проходящих к нему за советами людей о природе появления денежных сумм, что предполагались к вложению в ценные бумаги. Это его не касалось. Главное было объяснить посетителю степень риска и спрогнозировать доходность по процентам на строго определенный отрезок времени. А дальше, извините – новая консультация и новый гонорар. Прогнозы его, надо признать, почти всегда сбывались. Если он и ошибался, то только в лучшую сторону. За свои советы Вениамин Яковлевич брал обычно один процент от планируемых инвестиций и всегда покупал на эти деньги те же процентные бумаги, что и его клиент, тем самым показывая пример. Такой ход очень импонировал его визитерам.

Была у финансиста одна страсть – драгоценные камни. Блики маленьких, разных по оттенку удивительных творений природы он мог разглядывать часами. Увлеченный ювелирным искусством, Доршт посещал все без исключения заезжие выставки камней, но скупал только самые интересные экземпляры. Больше всего ему нравилось постигать тайны исполнения тонких филигранных золотых напаяк и обрамлений. Ювелир-любитель сам придумывал форму будущего украшения, делал наброски на бумаге и создавал эскиз. Творил художник ночью.

А утром, с красными, но счастливыми глазами, он звал жену взглянуть на еще не готовый полуфабрикат, в котором угадывались черты будущего творения.

Свои, прямо скажем, необычные шедевры обрусевший потомок тевтонских рыцарей раздавал друзьям или знакомым, но никогда не продавал.

В гостях Вениамин Яковлевич все вечера просиживал за карточным столом, выигрывал часто и небольшими суммами. На язык Доршт был чрезвычайно остер, что веселило приглашенных персон, хотя некоторые шуточки имели очень обидный оттенок для тех, кому предназначались.

В комнате царила несколько напряженная обстановка. Было видно, что все внимание приковано к полицмейстеру. Этот вечер только и говорили о происшествии на Николаевском. Покойный сам был частым посетителем журфиксов, и многие его хорошо знали.

– И все же, господа, Соломона Моисеевича убили неспроста. Тут дело серьезное, – сдавая карты для преферанса, проронил начальник почтовой службы.

– Что вы хотите этим сказать, Константин Виленович? – напрягся Фен-Раевский, перестав тасовать вторую колоду на новую игру.

– Да слышал я, что господин Пейхович собирался купить его аптеки, но он наотрез отказался их продавать. «Не вижу, – говорит, – смысла терять это дело. Выручка только наладилась». К тому же Жих получил права на поставки медикаментов в драгунский полк. Он и в Кисловодске собирался новую аптеку открыть. – Сдавая карты, почтмейстер искоса посмат-

ривал на просвечивающуюся сквозь легкий шифон, еще не утратившую соблазнительность фигуру хозяйки дома.

– Рано или поздно он все равно купит аптеки Жиха. Это вопрос времени. За ним стоят миллионы Варшавского банка «Польский кредитный дом». Управляющий – брат Якова Ароновича откроет ему любой кредит, – показывал свою осведомленность начальник акцизного управления Гайваронский.

– И откуда у вас такая подробная информация, Аполлинарий Матвеевич? – удивился полицмейстер.

– Прошлым летом мы гостили у родственников в Варшаве и нас пригласили на торжество, посвященное юбилею местного генерал-губернатора. Вот там мы и познакомимся с Иосифом Абрамовичем, который поведал нам, что его брат собирается в Ставрополь.

– Пики, господа, – начал торговаться Клим Пантелеевич.

– Трефы, – парировал Гайваронский. – Клара Сергеевна оказалась владелицей огромного состояния: аптеки, ювелирный салон с мастерскими, ломбарды. Ходят слухи – она без ума от поручика Васильчикова, и теперь, после смерти мужа, ничто не сможет помешать вдове обрести свое счастье.

– Да, наверное... – проронил полицмейстер, задумался и после неловкой, слишком затянувшейся паузы продолжил: – Так вот... вы сказали о счастье... А кто знает, что это такое? Проходит время, и оказывается, что ты уже был счастлив, когда твои родители были живы, а маленькие дети бегали босыми ногами по мокрой от росы траве, радуясь теплему весеннему солнцу. Рядом с тобой каждое утро просыпалась молодая и красивая жена, но ты не обращал на это никакого внимания, а все бежал вперед, пытаясь получить следующий чин или заработать еще одну тысячу. А через много лет, когда в небытие ушли старики и выросли дети, состарилась и потускнела жена, ты оглянулся и понял, что именно тогда, в прошлом, лет двадцать назад, счастье находилось рядом с тобой, но оставалось не замеченным и тихо покинуло твой дом. А потому, господа, счастье – это когда нет несчастья, – философски заключил Фен-Раевский. – Бубны играем.

– Держу бубны. – Желая возвысить игру, Ардашев продолжал сохранять непроницаемый вид. Он умел самым незаметным образом прятать в душе движения, выражающие радость при выигрыше и скуку при невезении. «Фортуна – дама капризная, – часто говаривал он за карточным столом, – и не особенно любит видеть неумную радость от тех благодеяний, которыми она неожиданно одаривает нас, и горе ждет того, кто пьянеет от внезапной удачи».

Преферанс продолжался. Только Доршт сегодня не играл. Обрусевший немец слушал в музыкальном салоне граммофон, рассеянно и невпопад отвечая на вопросы о том, какие векселя в ближайшее время поднимутся в цене.

8

Тяжелое похмелье

В квартире поручика драгунского полка Васильчикова Бронислава по бабушке Арнольдовича царил беспорядок, типичный для холостяцкой берлоги.

Сам хозяин в одном сапоге и белом исподнем спал сном невинного младенца, свесив голову с кушетки вниз. Солнечный луч бил прямо в глаза, отчего Броня жмурился и шевелил усами. Длинная пьяная слюна свисала перпендикулярно поверхности пола. Разбросанная по прокуренной квартире пустая винная и коньячная тара говорила о том, что гостей было много. Присутствие некоторых деталей женского туалета: одинокой резинки от чулка, корсета, забытого какой-то уж очень рассеянной или сильно нетрезвой дамой, явно свидетельствовало о том, что как минимум в невинную гимназическую бутылочку здесь уж точно играли. В это можно было бы поверить, если бы не отъезжавший от Брониного дома под утро кортеж из двух карет, набитый под завязку бравыми офицерами и стайкой милашек Фатимы.

Именно такую картину недавнего разврата открыла милой Кларочке скрипучая незапертая дверь. От обиды хотелось кричать, а от жалости к себе плакать. Пьяное чудовище, на которое потрачено столько драгоценной женской нежности и пламенной любви, безмятежно храпело, не чувствуя вины. Квартира узнавалась с трудом. Недавно купленное розовое покрывало было испохаблено и залито красным вином, а ее любимое одеяло служило кому-то подстилкой под столом. В другом углу комнаты беспорядочно валялись недавно купленные подушки из лебяжьего пуха.

– Подлец, негодяй, предатель! – захлебываясь слезами, рыдала красивая молодая женщина, одновременно не переставая методично хлестать любовника по щекам.

Первым на четверть приоткрылся правый глаз. Через секунду он снова закрылся, будучи уверенным, что все это сон. То же произошло и с левым. Постепенно реальность отвоевывала все больше пространства, и воспаленный алкоголем мозг офицера медленно начинал работать. Оглядевшись, Броня стал цеплять, прежде всего, почему-то шашку. Затем, видимо окончательно прозрев, стал надевать мундир. Башка трещала, в мозгах карамболило, доносящийся с улицы стук деревянного молотка жестянщика артиллерийской канонадой отдавался в ушах.

– Соломона вчера убили, прямо среди бела дня. Тело сейчас в морге. Я теперь не знаю, что делать и как дальше жить. А ты пьянствуешь да с потаскушками всякими спишь! Как я тебя ненавижу! – присев на краешек большого кожаного чемодана, навзрыд голосила вдова.

– Да, я выпил – отрицать не буду. А что до этих мамзелей, то я ни-ни... – с трудом шевеля пересохшими губами, пролепетал любовник. – Даже пальцем ни одну не трогал, а не то чтобы... Я только тебя... люблю. Это друзья веселились. У корнета Аверьянова мальчишник. На днях венчается, а чтобы не смущать его родственников, решили собраться у меня. Как тут откажешь? А кого, ты говоришь, убили? Соломона? – наморщив лоб, спросил Васильчиков.

– Да. Законного моего мужа. Слышал, распутник? – всхлипывая, поясняла Клара.

– Так, стало быть, конец мезальянсу и ты теперь свободная женщина? – отыскивая глазами недопитое вино, спросил измученный жаждой офицер.

– Я – да, а вот ты – не знаю. Все говорят, что это ты его... Люди думают, что из-за меня, – с некоторой долей гордости выговорила Клара. При этих словах шампанское, которое жадно пил поручик прямо из горлышка, потекло мимо рта. Отбросив в сторону бутылку «Вдовы Клико», возмущенный последними словами Бронислав проронил:

– Нет, я все понимаю. Сначала ты назвала меня негодяем – возможно. Потом пьяницей – ладно. Дальше сказала, что я изменяю тебе – это уже циничный и неприкрытый навет, а закончила тем, что я, боевой офицер, убил... убил твоего рогатого Соломона! – Как раз во

время произнесения этих последних слов и распахнулась дверь, и на пороге появились два нижних полицейских чина во главе с приставом 1-й части Арефьевым.

– Ну, вот и сознались, мил человек. Еще покаешься да помолишься, глядишь, совсем душу очистишь, а тело твое грязное, ты уж не переживай, каторга отстирает. Собирайся... Ах, а тут еще и дамочка! И что же это вы здесь забыли? Вам бы надобно у смертного одра слезы лить да с покойным супругником прощаться, – расправляя усы, стыдил новоиспеченную вдову пристав.

– Ты посмотри, Кларочка, как этот сатрап и душитель свободы разговаривает с боевым офицером! Арестовывать меня пришли? А известно ли вам, господа, что посадить под арест меня можно только в присутствии моего полкового начальства? – поправляя ремень, с достоинством пытался защищаться поручик.

– Ваше начальство мы известим, то не вашего беспокойства дело. А сейчас советую вам не препираться более, а проследовать с нами и ответить на вопросы. А здесь будет проведен обыск. Бумаги имеются. Вот извольте взглянуть. – Полицейский протянул лист с печатью и писарским каллиграфическим почерком.

– Ну, если и документы подготовили, то ищите. Да, господа, одна просьба – только соблюдайте в квартире чистоту и порядок. А то потом перед горничной неудобно будет-с. Все-таки оставил чистую квартиру, а после обыска, говорят, такой кавардак бывает! – закуривая папиросу, иронизировал офицер.

Прикрывая заплаканное лицо рукой, женщина, словно ошпаренная крутым кипятком кошка, стремительно выскочила из квартиры и, стуча каблуками по деревянной лестнице, выбежала на улицу. Разминувшись с ней, в дом вошел Поляничко и начал проводить обыск.

По прошествии получаса Васильчиков, уже без ремня и шашки, сидел в кабинете начальника полиции, безучастно рассматривая висевший на стене портрет Столыпина.

В присутствии полицмейстера допрос вел старший судебный следователь, опытный Глеб Парамонович Кошкидько.

– Ну-с, любезнейший, можем ли мы расценивать ваши слова, а именно: «я убил твоего рогатого Соломона» – как чистосердечное признание вашей вины в предумышленном смертоубийстве Жиха Соломона Моисеевича? – начал допрос следователь.

– Я приставу еще в карете русским языком пояснил, что я имел в виду. Согласиться могу лишь частично, а именно в том, что Соломон был рогатым, – ехидно заметил поручик.

– Бронислав Арнольдович, желаю спросить вас форменно о вашем точном местонахождении между семью и семью тридцатью вечера прошлого дня.

– Был там же, где и между девятью, десятью, двенадцатью, часом и тремя... У себя дома.

– Кто может это подтвердить? – въедливо допытывался Глеб Парамонович.

– Так... дай бог памяти... значит... между пятью и десятью только Вероника, а ближе к утру Жозетта, пардон, вместе с Вероникой. Все девочки работают у Фатимы, – отвечал поручик с наигранно серьезным видом.

Следователь вначале старательно записывал имена, но потом поймал на себе неодобрительный взгляд полицейского начальника и остановился.

– Если я вас правильно понял, с пяти вечера вчерашнего дня и до нашего прихода вы находились в своей квартире и не покидали ее? – не унимался Кошкидько.

– Нет, выходил, как же.

– И куда же, позвольте заметить, и сколько раз?

– Пару-тройку, не больше... Видите ли, господа, в доме, где я живу, пока еще отсутствует такое завоевание прогресса, как ватерклозет, и поэтому я вынужден пользоваться простым уличным сортиром, – нагло хохотнул Васильчиков.

Терпение у молчавшего до поры начальника полиции лопнуло. Подскочив с кресла, он вплотную подошел к задержанному и, наклонившись, выговорил ему прямо в лицо:

– Я бы посоветовал вам, господин поручик, вести себя так, как подобает офицеру драгунского полка, а не кривляться, как избалованная цирковая обезьянка! Перед вами не гимназисты, а государственные служащие... Должен также уведомить вас, что вы подозреваетесь в учинении предумышленного смертоубийства, и я, пользуясь данной мне властью, постановляю: арестовать вас до выяснения всех обстоятельств дела и проверки вашего алиби.

Сказанное ровным счетом не произвело на Броню никакого впечатления, и он спокойно проговорил:

– Вас, милостивый государь, за такие неумелые аллегии следовало бы безотлагательно вызвать на дуэль. Однако же в данный момент в силу определенных причин я этого сделать не могу. И потому попрошу вас выбрать выражения.

Отвернувшись к окну и заложив руки за спину, Фен-Раевский молчал.

– Какие напоследок будут у вас пожелания? – следуя установленным правилам, сухо осведомился Глеб Парамонович.

– Кофе с шартрезом и сигару, будьте любезны, – съязвил поручик.

– Охрана, препроводите арестованного в тюремный замок, – распорядился полицмейстер.

Офицер встал, демонстративно заложил руки за спину и, насвистывая мелодию популярного ставропольского композитора Василия Беневского «Плещут холодные волны», сопровождаемый конвоем, покинул кабинет.

Почти следом явился Ефим Андреевич Поляничко с докладом о проведенном обыске в доме № 5 по Европейскому переулку. В списке найденных вещей на квартире господина Бронислава Арнольдовича Васильчикова, находящегося в чине поручика драгунского полка, числились: бутылки винные и коньячные пустые, числом 19 штук, разрозненные предметы женского туалета, календарь-ежегодник частью с вырванными листами за прошлый 1906 год, игральные карты с изображением обнаженных дам, журналы с картинками непристойного содержания: «Тайны жизни» и «Всемирный юмор», а также исполненная на заказ глиняная фигурка нагло улыбающегося толстопузого кота далеко не пуританского вида, на причинном месте которого красовалась надпись: «Бронька – кот бесстыжий!» Протокол заканчивался словами: «*запрещенных к обороту предметов не найдено и не изъято*».

9

Под высочайшим надзором

К утру известие о гибели аптечного магната и ростовщика облетело стотысячный город. Такого здесь не помнили давно. В губернском центре, случалось, убивали. Главным образом это происходило в пьяной драке или из-за ревности – горячими выходцами с Кавказских гор. Намеренное, хладнокровное и расчетливое душегубство среди бела дня являло собой вызов тихому патриархальному укладу южной провинции России. Неслыханная жестокость и дерзость возмутила православный город двух монастырей и семнадцати церквей. Народ негодовал.

Недавно назначенный государем императором губернатор Петр Францевич Рейнбот до сих пор чувствовал себя не на своем месте главным образом оттого, что его постоянно сравнивали с предшественником, правившим хлебным краем целых семнадцать лет, которого помнили и до сих пор любили. Личностью покойный генерал-губернатор был незаурядной. Человеческая скала. Город и вся губерния расцвели при нем, как роза в благородном вине. Тишь да гладь, да божья благодать. Спасибо ему большое и мир праху его.

Только благополучие это было показушным, а на самом деле проблем покойник после себя оставил предостаточно. Взять хотя бы улицы и дороги. Весной и осенью чуть ли не в самом центре грязь да темень, а про Ташлу и Форштадт вообще говорить нечего. Городские трущобы. А трактиров, домов питейных, штофных, подвальчиков, закусочных да обжорок понаоткрывал столько, что скоро монахини и гимназистки к бражничеству пристрастятся. А запретить – только попробуй! Раскричатся: «Мы акцизы исправно платим, закон не нарушаем!» Вот и закрой теперь.

Об уездных больницах да школах лучше и не вспоминать. Поэтому-то и приходилось вставать чуть свет и засиживаться за полночь, когда тушили электрические фонари на проспекте. Ко всем проблемам не хватало только участившихся ограблений почтовых карет и прибывшего почти неделю назад вагона с двумя трупами французских подданных. А тут еще и вчерашнее циничное убийство.

Губернатор тронул колокольчик. За дверью правитель канцелярии молча кивнул в сторону полицмейстера. Дверь бесшумно отворилась, и полицейский начальник, достав из бювара какие-то бумажки и надев пенсне, путаясь от волнения в строчках, тихим, неуверенным голосом начал зачитывать доклад о происшествиях, случившихся в губернии за последние сутки. Но тут же был остановлен:

– Мне, уважаемый господин полицмейстер, арапа заправлять не надо. Всякие там свои мелкие кражи скота да птицы оставьте себе. У губернатора под окнами людей среди бела дня убивают, а вы мне окоlesiцу всякую несете! Сегодня мне лично звонил сам председатель Совета министров и очень интересовался успехами по расследованию налета на поезд! Каждую неделю обязал меня сообщать о положении дел. «Что-то, – говорит, – много у вас последнее время громких преступлений совершается. На всю Россию прогремела Ставропольская губерния». А мне ему ответить нечего! И это по причине вашей нерасторопности, господин коллежский советник! Что имеете доложить по основным происшествиям? – нервно постукивая обратной стороной карандаша по полированной поверхности стола, продолжал разнос Рейнбот.

– Ваше превосходительство, считаю, что нападение на почтовых курьеров и убийство в международном вагоне совершено одними и теми же лицами. Поскольку делом о налете на поезд занимается жандармское отделение, им же было бы целесообразно передать и дела по расследованию грабежей фельдъегерских карет и соответственно...

– А может, заодно передать Фаворскому и вашу должность? – перебил полицейского Рейнбот. – Значит, так: моим сегодняшним распоряжением будет создана комиссия по расследованию вооруженных грабежей и убийств как почтовых служащих, так и этих двух иностранцев. Саму комиссию возглавлю я, но отвечать за результат всего следствия будете лично вы, а уж потом Фаворский. Кого еще, кроме меня, вас и начальника жандармского отделения, считаете необходимым включить в ее состав?

– Начальника сыскной полиции Поляничко, его помощника Каширина, а также судебного следователя Фельденкрейца, так как он непосредственно ведет следствие по разбойному нападению на поезд.

– Ладно, с этим разобрались. Ну а теперь докладывайте по вчерашнему происшествию, – нахмутив брови, ледяным голосом выговорил губернатор.

– Преступление, можно сказать, раскрыто, подозреваемый задержан и препровожден в тюремный замок. Все силы сыскной полиции брошены на выявление улик, и в скором времени буду иметь честь доложить вашему превосходительству об окончании следствия. Со вчерашнего дня весь наличный состав управления на ногах, – дрожащим, вкрадчивым голосом тараторил, в страхе быть прерванным, Ипполит Константинович.

– Кто он?

– Поручик 15-го драгунского Переяславского императора Александра III полка – Бронислав Арнольдович Васильчиков. Воевал с японцами. Из-за дуэли был понижен в звании. Замечен в любовной связи с женой покойного. Проверяем алиби. В убийстве пока не сознался, но характеризуется плохо: дебошир, бретер и пьяница. Службой манкирует, – сыпал модными французскими словами старый полициант.

– А какими еще свидетельствами его виновности вы располагаете? – слегка прищурив правый глаз, осведомился Петр Францевич, явно подготавливая собеседнику ловушку.

– Других подтверждений пока не имеем, но в скором времени, я надеюсь, что смогу... – лепетал, втянув голову в плечи, полицейский начальник.

– Послушайте! Вы арестовываете боевого офицера драгунского императорского полка без каких-либо серьезных доказательств. Да как вы смеете так бездарно вести расследование! Я даю вам на окончание всех ваших полицейских штучек десять дней. И если по истечении названного срока преступление не будет раскрыто, сошлю вас исправником в самый глухой уезд. Не извольте сомневаться, любезный Ипполит Константинович, мое слово, сами знаете, что банковский вексель, – сказал, как отрезал, губернатор.

– Разрешите исполнять? – лепетал синий от страха коллежский советник.

– Ступайте. За вас эту работу никто не сделает.

Полицейстер робко попятился задом и неслышно растворился в дверном проеме.

До самого Полицейского переулка он ступал на ватных ногах, ничего не замечая вокруг. С затуманенным взором вошел в кабинет и тихо сел в любимое, выдавшее виды кресло. Рванул шитый золотыми позументами ворот, налил из высокого хрустального графина любимой водицы и залпом выпил два стакана. И только после этого успокоился и приказал вызвать начальника сыскного отдела.

Поляничко не заставил себя долго ждать. Из его доклада следовало, что пока больших прояснений в деле нет.

Начальник полиции выдвинул верхний ящик письменного стола и достал переданный ему присяжным поверенным конверт:

– Соболаговолите принять, глубокоуважаемый начальник сыскного отделения, – с заметной долей ехидства выговорил полицмейстер. – Мне струну эту адвокат Ардашев подарил. Он один нашел, а весь сыскной отдел – нет. Умеете работать! Молодцы! – И, тяжело вздохнув, махнул рукой. – Да ладно, чего уж там! Был у губернатора. Вы, я и Каширин включены в состав комиссии по расследованию нападений на почтовые экипажи и поезд. Дело об убийстве двух

иностранцев находится под личным контролем Петра Аркадьевича Столыпина. Губернатор обязал докладывать каждую неделю. Но это еще не все: его превосходительство дал десять суток на поимку преступника, убившего Жиха. Не уложимся – каюк.

Ипполит Константинович устало поднялся из-за стола, подошел к шкафу, открыл крохотным ключиком деревянную дверцу, достал бутылку хорошего греческого коньяку, наполнил две небольшие рюмки и, глядя в окно, проронил:

– Выпьем за упокой души раба божьего, Соломона Моисеевича. Да поможет нам господь найти убийц его. – И маленькими глотками с удовольствием выпил терпкий напиток.

– Земля ему пухом, – почти прошептал Поляничко и разом опрокинул содержимое.

– Эх, Ефим Андреевич, разве ж так пьют коньяк. Сколько ни учу вас, а вы все по старому, по-купечески... Ну да ладно, как нравится, так и пейте... Я вот что думаю: на всякий случай надо проверить вероятность того, что душегубство это сделано в интересах кого-то другого и, понятное дело, за деньги, – засунув руки в карманы и качнувшись с носков на пятки, глядя в полукруглое окно, задумчиво проговорил начальник. – Помните дело Марии Фоминой? По судебному разбирательству она проходила со своим любовником и в минувшем году получила семь лет каторжных работ. Вот этот тайный ее сожитель и уговорил пришлого батрака резать «ейного» законного мужа за пять червонцев.

– Там-то понятно, баба была замешана. Сама убить не смогла, вот и попросила. А здесь, если только мы не говорим о молодой жене покойного, а подозреваем еще чей-то интерес, зачем же постороннего человека в такие темные дела вмешивать? – недоумевал Ефим Андреевич.

– А затем, чтобы алиби у вас было. Вот представьте, третьего дня вы с молочником на рынке повздорили, а сегодня вам пулю в затылок всадили. Причем заметьте, стрелял не молочник, он как раз в это время на базаре торговал. У него алиби железное. А убийца ваш, прости меня господи, лишь исполнитель чужой воли. А смерть вашу, как вальдшнепов в красном вине, заказали. Что? Страшно? – хлопнув подчиненного по плечу, грустно улыбнулся Фен-Раевский.

– До чего же люди дойдут, если они смерть, как ужин в ресторациях, заказывать будут? И деньги за это получать? Как же потом к Господу обращаться? Ведь он отвергнет, и тогда проклятье перейдет на детей и внуков твоих. Грех этот не смываемый, – как истинный православный, возмущался Поляничко.

– Дай-то бог, мы с вами до того времени не доживем, когда русский русского убивать будет. Да и не может такое время никогда наступить! Слава богу, мы не дикие североамериканские переселенцы. Государству нашему Российскому, почитай, уже тысяча лет! Да и царь-батюшка поставил нас с вами здесь для того, чтобы выродки всякие нашим горожанам жизнь не портили. А если говорить по делу, то надо бы проверить должников и кредиторов покойного коммерсанта. В этом деле мотив важен. Узнайте, кому он дорогу перешел. Глядишь, ниточка и потянется. Да и о поручике забывать не следует. Настойчиво попрошу вас, Ефим Андреевич, докладывайте, пожалуйста, мне каждый день, не стесняйтесь, – деловито закончил беседу начальник.

– Не сомневайтесь, извещать буду ежедневно! Разрешите идти?

Получив согласие, безгранично преданный Поляничко тихо и аккуратно, как бы извиняясь за неприятности, упавшие на голову его начальника, закрыл обе двери.

С недавнего времени после такого рода философских рассуждений о будущем великой и уже неизлечимо больной империи делалось грустно. К старости, а шел ему уже пятьдесят восьмой год, Ипполит Константинович становился все более сентиментален. Он как никто другой знал истинное положение дел на южной окраине империи. Ему, как консерватору, воспитанному в старых православных традициях, претили многие модные новшества, а особенно изобретение братьев Люмьер.

Огромные афиши сообщали ошарашенным обывателям об остросюжетных фильмах: «Путешествие на Луну», «В дебрях Южной Америки», «Убийство герцога Ризе», «Ночь возмездия», «Запоздалая смерть».

Смирный и богобоязненный крестьянин, распродав товар на городском рынке, купил билет на фильм и целый час спокойно наблюдал, как на экране происходили коварные злодеяния, предательские измены и жестокие убийства. С помощью кино самый страшный человеческий грех казался чем-то обыденным и в некоторых случаях мог быть даже оправдан. Так постепенно рушилась воспитанная веками русская православная мораль.

«Картины демонстрируются под аккомпанемент пианино, – сообщалось в афишных рекламках. – Ложа – 3 руб., бельэтаж – 75 коп., стулья – 10 коп.» Местный синематограф «Биоскоп» подсчитывал сумасшедшую по тем временам выручку.

10

На нарах

Старший следователь Глеб Парамонович Кошкидько готовился к допросу поручика Васильчикова. Перво-наперво надо было вызвать «капарника». Так на языке арестантов звался тот, кто «капает» властям об остальных сидельцах. В шестнадцатой камере таким был недавно задержанный за кражу выручки из кассы заезжего московского антрепренера театральный парикмахер Задрыгин.

Оказавшись среди разного людского сброда, Тарас Авдотьевич быстро уразумел, что в арестантском мире, где человек человеку волк, где веры никому нет, он сможет выжить только в одном случае – если станет доносчиком и автоматически попадет под защиту тюремного начальства. Конечно же, он понимал, что рано или поздно о нем могут узнать, и тогда... накинутый на голову тюремный халат, бесконечное количество ударов от сокамерников, отбитые почки, поломанные ребра, кровь ртом, несколько дней в тюремном лазарете и безымянная могила, на которую, по обычаю, плюнет каждый из копавших ее острожников.

Но всякий надеется, что это может произойти с кем угодно, но только не с ним, потому что о нем следователь никогда не проболтается, потому что его уж точно выпустят раньше срока и о его постыдном поведении никто не узнает. Вся грязь останется там – в сырой опостылевшей темнице, а воля примет его в свои объятия уже как нового, чистого и порядочного человека. Да только так не бывает. Став негодяем однажды, им остаются на всю жизнь. На груди у такого существа можно было бы повесить табличку: «Здесь когда-то жил порядочный человек».

Вот таким и был доставленный охраной для допроса арестант – сорокалетний коротышка, с залысинами и бакенбардами, обладатель носа-картошки, губастый толстяк Тарас Задрыгин. Любой мрачный меланхолик умер бы со смеху при виде этой нескладной и удивительно нелепой фигуры. Конвойный удалился, оставив его наедине со следователем.

Бывший театральный парикмахер сел на кончик стула, конфузливо достал белую тряпицу, исполняющую роль носового платка, натужно прокашлялся и с готовностью заглянул в глаза полицейскому чиновнику. Было заметно, что на допрос Тарас пришел с видимым удовольствием. На лице читалось выражение: «готовый к услугам».

– Как поживаете, Тарас Аверьянович? – с притворной заботой поинтересовался следователь.

– Знамо дело, плохо. Второго дня посылку от жены принесли, так эти аспиды все забрали, даже фантики от конфет растащили на всякие поделки. А Иван, главный вор, принудил «барыню» попервоначалу станцевать. Я сплясал, а что толку. Так несолоно хлебавши и остался, – горько вздохнул парикмахер.

– А как там сиделец новый-то поживает? Ну, этот, Васильчиков?

– Оно мне надо – мозоли на глаза набивать? – отвернувшись в сторону и потирая когда-то бывший сменным воротничок, с нарочитым безразличием произнес арестант.

– На вот, возьми. – Кошкидько протянул Задрыгину шоколадку.

– На милости покорнейше благодарим! Фабрика «Эйнем»! Любимая сладость знаменитой актрисы Шопенбах! – Быстро запихнув в себя лакомство, Тарас, смакуя, поочередно оближал каждый палец. От этой картины следователя едва не стошнило. – А Васильчиков этот, скажу я вам, скипидаристый мужик оказался! К нему Иван третьего дня волынщика, забияку по-ихнему, подослал. Тот и говорит: «Дай, офицерик, сапожки примерить. А то боюсь, что кителек в плечах мал да рубаха великовата будет». Так этот «гусарик» и задал ему феферу: с нар слез, задиру обеими руками обхватил, заревел наподобие раненого льва мадагаскарского,

к потолку его поднял и аккуратно в парашу вниз головой вставил. Тот только ногами вензеля выделывал. А потом развернулся и говорит вору: «Что ж, уважаемый каторжанин, если тебе мое обмундирование приглянулось, давай партию в штосс сыграем. Проиграю – амуниция по частям твоя, а повезет – вы этого волынщика мне тоже частями на растерзание отдадите». Камера напряглась, тишина стоит – слышно, как мухи летают. А Ивану-то что, не свое проигрывать, а надоевшего всем Петьку с Форштадта. «Ладно, – говорит, – присаживайся, бросим карты». Иван колоду достал и давай туда-сюда фертикулясы всякие выкидывать: и так и этак тасует. Вот, дескать, какой я фокусник. Вояка молчит да спокойненько своей растасовочкой занимается. Понтер, то есть Иван, ставку сделал – уши Петькины на карту поставил. А служивый начальным кушем объявил свой китель. Жулик колоду подрезал, а Васильчиков-то, банкомет, свою-то перевернул и сдвинул верхнюю на полкарты. Ну и, значит, вор открывает – семерка бубен, зато у офицера – семерка пик. Вот кавалерист и выиграл. Потом снова ставки сделали. Смотрю, поручик в кураже весь и штосс мечет. Первый абцуг, второй, третий, и снова офицер выиграл. Каторжанин продул Петькины уши, нос и даже зубы. Расстроился, конечно, но не очень. Тут «гусар» ему и говорит: «Возьми от меня на память китель. Я ведь все равно здесь не надолго. А от Петькиных ушей мне все равно никакого профиту нет». А варнак в ответ: «За китель благодарствую. Но отныне и довеку тюрьма тебя окрестила «игроком». А Петька – твой вечный поддувала», – ну это лакей по-ихнему. С того дня они с Иваном с утра до вечера в карты режутся. Корешами стали. Арестанты Васильчикова уважительно кличут Арнольдичем. Свой он для них теперь. Спит у окна на соломенном матрасе и даже имеет собственный арестантский сундук. Футы-нуты – важная птица. Не то что я – за всякую вину виноват. И воруга этот заставляет меня теперь каждый день песни для них петь, – хлопая маленькими свиными глазками, обиженно жаловался заключенный.

– Какие такие песни? – удивленно вскинул брови следователь.

– А всякие, в основном арестантские. Например, вот эту. – Парикмахер подскочил, заученно вытянулся во фронт и, качая головой в разные стороны, затянул:

Идет арестант, только цепи гремят,
Закованы руки и ноги.
И грустный он взгляд в горизонт устремил,
Дышать ему трудно от боли... —

или вот можно другую, повеселей:

Прощай, Одесса!
Славный карантин!
Мы уплываем
На остров Сахалин...

Капарник старательно выбивал чечетку и колотил себя ладошками по коленям, а потом пустился вприсядку.

– Ну будет тебе, будет... Тоже мне кафешантан устроил, – недовольно махнул рукой чиновник.

– Думаете, мне, ваше благородие, петь нравится? Знали бы вы, как тяжело мне с матерыми убийцами да беглыми каторжниками в одной камере сидеть. Вы уж поспособствуйте, чтоб меня курьером при тюремной канцелярии оставили. Слышал я, место там недавно высвободилось. На днях старый посыльный преставился, – мучаясь одышкой и вытирая засаленным рукавом пот, выпрашивал бывший театральный служащий.

– Похлопочу, любезный, похлопочу. Ну да ладно. Поговорили, и будет. Ступай себе с богом. – Глеб Парамонович колокольчиком вызвал караульного, и Задрыгина увели.

Опытный и хитрый Кошкидько понимал, что при таких обстоятельствах новый допрос Васильчикова был бесполезен и даже следственному делу вреден, тем более что Поляничко ничего серьезного против поручика так и не накопал. Полнейший афронт.

11

Сообщники

Костер достаточно хорошо разгорелся. Рамазан достал из кожаного непромокаемого мешочка немного кукурузной муки, размочил в воде, раскатал на плоском камне тонкий слой теста и поближе придвинул к огню, чтобы снова почувствовать знакомый с детства вкус пресной кукурузной лепешки. Кусок вяленой баранины и ломоть соленой брынзы отлично дополнят привычный для каждого воина походный ужин, после которого можно и заснуть. Постель была почти готова. Оставалось надрезать кинжалом душистый травяной покров, скатать дерн со всего ложа, сгрести в образовавшееся углубление горячие головешки и снова накрыть их развернутой земляной «перинной». Угли под таким «матрасом» будут тлеть до самого утра, не давая земле остыть.

Многие считали Тавлоева абреком – ярым приверженцем ислама, давшим клятву посвятить жизнь участию в набегах. Абрек никогда не жалеет врага и не прощает даже малейшей обиды ни своему брату, ни другу. Он не боится преследования русских властей и не страшится мести своих земляков. Он может быть врагом для каждого, кто не принадлежит к его семье, и готовый напасть на первого встречного, сам рискует быть убитым в любую минуту. В аулах они самые опасные соседи, с ними всегда надо «держат руку на кинжале» и оставаться готовым отразить их нападение. И хотя Рамазан и называл себя абреком, но понимал, что этого звания он недостоин из-за несоблюдения главной клятвы – как истинный мусульманин, воин ислама обязан сторониться всяческих увеселений и наслаждений. А до развлечений Рваный был большой охотник.

Горец подбросил в ослабевшее пламя еще пару толстых веток, чтобы огонь отпугивал ночью волков и шакалов. Закрыв глаза, он быстро уснул. Тепло приятно грело спину. Он проделал длинный путь к морю и благополучно вернулся через перевал обратно. Там, дождавшись ночи, он встретил баркас с оружием и двумя турецкими муллами. Он помог им добраться по тайным тропам на эту сторону Кавказских гор, минуя посты русской пограничной стражи, с тем чтобы проповедники ислама могли обойти каждый аул и приобщить к своей вере тех горцев, которые заблудились на пути к Аллаху и пока еще почитали Иисуса. Рамазан теперь сам покупал оружие и с большой выгодой перепродавал чеченцам, среди которых ценились в основном германские винтовки. Пистолеты ждали других покупателей. Эти странные русские называли Рваного новым для него словом «товарищ» и щедро расплачивались золотом. Товар для них приходилось доставлять в Ставрополь на городскую окраину, где после удачной сделки Рамазан и давал волю мужским слабостям.

Но для того чтобы покупать безотказные немецкие винтовки, нужно было много денег. Грабить почтовые кареты становилось все опаснее. По приказу из Ставрополя их экипажи стали вооружать револьверами, а по дорогам разъезжали казачьи патрули. Но если раньше он убивал гяуров просто так, то теперь каждое убийство приносило большие деньги.

С Михаилом они познакомились в тюрьме. Арестантов сблизила общая ненависть к империи, которая вот уже целое столетие безжалостно унижала честь маленьких, но гордых народов и, как говорил Михаил, несправедливо разделила человеческие блага среди своих подданных. Такое государство должно умереть. На смену ему придет царство труда и справедливости с железной дисциплиной. В стране не будет религии, потому что люди станут поклоняться не Богу, а возведенным в священный статус наиболее достойным старшим соратникам. Их назовут вождями и станут почитать: дети вместо закона божьего и жития святых должны будут заучивать выдуманные истории их детства, а взрослых будут награждать орденами и медалями их имени. Делить блага, судить людей за их грехи и исполнять наказание на местах

будут специальные комиссии из выбранных товарищей, подчиняющиеся вышестоящим центральным комитетам. Именно такие, как он, за всех и будут решать: какие книги стоит читать, а какие – нет; чьи кинематографические фильмы можно показывать, а чьи – запретить; сколько детей должно быть в каждой семье и по каким жизненным дорогам они пойдут. Все решат они – «товарищи» Михаила по партии. Но завладеть властью можно только путем вооруженной борьбы. На первом этапе следовало уничтожать тех, кто стоял на страже интересов существующего порядка, а на втором – необходимо избавиться от той части населения, которая прямо или косвенно содействовала процветанию несправедливого буржуазного государства.

В этом маленьком и хрупком парне Рваного поражало все: ум и холодный расчет, фанатичная целеустремленность и ледяная жестокость, с которой он резал горло соотечественникам только за то, что их мундир издали напоминал полицейский.

Рамазан слышал от верных людей, что несколько лет назад во время уличных беспорядков в Москве Михаила, тогда еще безусого гимназиста старших классов, арестовали. Всю ночь пьяные жандармы в участке издевались над ним, а потом насильно переодетого в женское платье розовощекого юношу затолкнули к рецидивистам. Воры его не тронули, но наутро из камеры вышел уже другой человек.

Вторично Михаил Евсеев был арестован через год по обвинению по делу «О преступном сообществе, имевшем целью революционную пропаганду и злоумышление против Государя». При обыске у него нашли литографированную прокламацию, представляющую якобы речь Жореса под заголовком «Смерть царизму»; полулист почтовой бумаги, озаглавленный «Основной закон Российской империи (краткое содержание)», а также дневник с записями крамольных мыслей. По приговору Московского окружного суда молодой человек был сослан в Восточную Сибирь, в селение Нижняя Кара, на пять лет. Из ссылки Евсеев бежал, убив по дороге двух полицейских, и в данный момент находился в розыске. Общая опасность сблизила двух совершенно разных людей и теперь у них одна общая стезя.

В жаркий воскресный день сообщники договорились встретиться на городском ипподроме. Еще издали Рамазан приметил рядом с Михаилом человека в черных брюках и светлой рубашке. Благодаря его информации они точно знали, когда везут деньги, а когда казенные документы и почту. Недавно он сумел вовремя предупредить их о полицейской засаде. Весь день пятеро вооруженных до зубов «фараонов» бессмысленно тряслись в душной двухместной карете по ухабам и кочкам Черкасского тракта.

Все бы хорошо, но вот доля нового члена банды была слишком высокой, – ему отдавали половину добычи. Вот и опять, едва завидев Рваного, он быстро скрылся в толпе, оставив после себя легкий запах одеколona. Ох уж эти господа! Пахнут, как дешевые женщины! С каким удовольствием он бы вспорол этому упитанному поросенку брюхо! Но нельзя – он им пока нужен. Правда, его последняя наводка удачи не принесла, и ночное нападение на поезд оказалось безрезультатным... Их кто-то опередил.

Евсеев обрадовался Рамазану, и по старому кавказскому обычаю соратники трижды слегка обняли друг друга, едва касаясь щеками.

– Аллах снова пэрэсек наши дароги, брат мой, – слабо улыбнувшись, приветствовал друга Тавлоев.

– Я тоже рад встрече. Послушай, Рамазан, завтра отсюда в Медвеженский уезд пойдет карета с двумя вооруженными охранниками. Капиталу в ней почти на пятьдесят тысяч. Теперь будем работать по новому плану. Старый способ никуда не годится. На этот раз возьмем с собой Полину. Она, как ты знаешь, мой надежный партийный товарищ. Участвовала в эксах в Тифлисе и Екатеринодаре. Владеет браунингом, как ты кинжалом. Упаси тебя боже затевать с ней всякие шуры-муры. Пристрелит и здрасте не скажет. Я уже отослал ее в Медвежье. Она будет ждать нас на восьмидесятой версте. Там, почти у самого Преградного, дождемся казенный тарантас. Сделаем работу и вернемся обратно. В Ставрополе тоже есть два дельца. На днях

одна знакомая белошвейка проболталась, что ее новый ухажер – артист из Варшавы хвастался ей, что недавно сыграл самую высокооплачиваемую роль – французского ювелира, передав кому-то драгоценных камней почти на миллион рублей. За это он получил солидную сумму денег и выпросил на память какую-то брошь в виде бабочки. Надо бы выяснить, кто и зачем его нанял. Я думаю, ты сможешь заставить его заговорить.

– Нэ сомневайся. Все сделаю правильно. Соловьём запает. А какоэ втароэ дэло?

– Наш друг считает, что стоит навеститься к вдове убитого на Николаевском проспекте еврея. Он говорит, что те иностранцы в поезде собирались продать драгоценности именно ему. Значит, дома полно денег и дамочка станет легкой добычей, – глядя на мчавшихся по кругу рысаков, не поворачивая головы, монотонно, почти без пауз, цедил сквозь зубы похожий на уездного лекаря молодой человек в очках.

– А она красивая? – спросил Рамазан, почесывая давно не мытое тело.

– Не девица, а мармелад. Тебе такие нравятся.

– О Аллах, ты снова слышал мои молитвы! – радостно простер руки к небу горец.

– Ладно, ладно. Потише. А то смотри, «селетки» сбегутся. Нам это ни к чему.

Мимо веселой гурьбой катилась людская беззаботная толпа. Многие приходили посмотреть на скачки целыми семьями. Для маленького города это зрелище могло сравниться лишь с цирком, что осенью разбивал свои брезентовые шатры на Ярмарочной площади.

Но два человека не испытывали никакой радости ни от теплого летнего солнца, ни от сотен людских улыбок, наполнивших ипподром. Все остальные были для них жертвами. Вопрос состоял только в том, когда же наступит черед каждой из них. Они чувствовали свое превосходство над безликой людской толпой так же, как его чует волк, когда бежит резать беззащитную отару. В такие минуты от осознания силы и некоего тайного предназначения у Михаила темнело в глазах и бешено колотилось сердце.

А Рамазан, кажется, уже обо всем забыл и горячо переживал за потерянную ставку, сделанную на вороного под пятым номером, который, из-за ошибки жокея, так и не сумел прийти к финишу первым.

12

Последняя роль

Актер Русского драматического театра из Варшавы Аполлон Абрашкин личностью был пустой и бесполезной, хотя сам считал себя человеком необыкновенных способностей. Но вся его хваленая исключительность заключалась лишь в умении находить легковверных простаков и за их счет утолять свои низменные потребности. Сказать по правде, внешности Абрашкин был самой что ни на есть обычной: полный и невзрачный человек лет сорока пяти, несмотря на безвкусный наряд, в нем присутствуют некоторые элементы франтовства: атласный малиновый жилет, из кармашка которого по животу бежит серебряная цепочка недорогих часов «Павел Буре». От всей его особы ужасно веет даже не артистом, а скорее каким-нибудь ветеринаром или письмоводителем, недавно получившим скромное наследство от умершей тетушки в далеком Лесозагорском уезде.

При встрече он подходит к собеседнику почти вплотную, и вам невольно приходится зажмуриваться от летящих из его рта брызг. В то же время, будучи человеком воспитанным, вы терпите эти временные неудобства и желаете только одного – поскорее с ним распрощаться. Но это не так просто. Особенно если вы попались Абрашкину, когда он «сильно зашибил муху». В такие минуты из-за своей крайней беспардонности и необузданной назойливости он становится особенно невыносимым.

Он без лишних церемоний напросится к вам в гости или потащит вас в соседний кабак, чтобы угоститься за ваш счет. Отведав новую порцию живительной влаги, этот господин «трещит» без умолку и в разговоре принимает положения одно пикантнее другого: то развалится, вытянувшись в полный рост на стуле, то хлопнет вас по плечу, а то вдруг, как ни в чем не бывало, вытащит папироску из вашего портсигара или неожиданно бросит использованную салфетку прямо к вам в тарелку. И все это он делает непринужденно, с некоторым показным амикошонством и театральной манерностью.

Конечно же, у него не хватает достаточно ума и галантности, чтобы добиться ласки от высокооплачиваемых театральных красавиц, зато молодые актрисы эпизодических ролей и костюмерши – всегда его. А когда не хочется тратить время на ухаживания, есть и желтобилетницы – русские жрицы платной любви.

Беззаботным лондонским денди и оболстительным казановой он чувствовал себя по воскресеньям, когда отыгрывал роль конторщика Епиходова в комедии Антона Чехова «Вишневый сад», и по средам, исполняя роль Добчинского в «Ревизоре». После окончания спектакля Абрашкин вваливался в трактир средней руки, гулял там до полуночи и, если не находил себе пары, возвращался на съемную квартиру один. Хотя правильнее было бы ее назвать комнатой с отдельным входом в крытой камышом хате на второй Заташлянской улице – в самой глухой и богом забытой части Ставрополя.

Извилистая и неширокая река Ташла текла под Крепостной горой, где строились первые казачьи хаты и откуда, собственно, и пошел расти город. Весь склон, улепленный глинобитными убогими домишками, представлял собой множество кривых, пересекающихся друг с другом и опять уходящих в разные стороны улочек.

Летом Ташлянокское предместье, или Ташла, как его называли в народе, представляло сплошной сад со своим микроклиматом. Благодаря тому, что весь этот район располагался в низине, температура примерно на два градуса была выше, чем в городе, а закрытость от ветров с юго-востока и северо-запада создавала ощущение спокойного райского уголка. Только вот появляться в этом «раю» лишний раз полиция особым желанием не горела.

Улицы на Ташле никак не освещались и осенью погружались в грязное и непролазное бездорожье, а зимой сугробы по крышу засыпали одноэтажные саманные хатенки. Извозчики ездить туда не любили и если соглашались доставить клиента, то выторговывали дополнительный барыш. Зато маргинальные личности всех мастей чувствовали себя там как мухи в сахаре. Конокрады же уводили ворованных коней еще дальше – за Иоанно-Мариинский женский монастырь, где обычно останавливался и разбивал шатры цыганский табор.

Абрашкин расплатился с возницей и, слегка путаясь в собственных ногах, со второй попытки открыл внутренний замок, который, как ему показалось, был вовсе открытым, и, весело насвистывая, зашел в комнату. Чиркнув несколько раз спичкой, он зажег огарок свечи, прилипший к треснутому блюдцу. Фотогеновую лампу разжигать не хотелось. Для его теперешнего состояния это была очень сложная процедура: снять стеклянный колпак, слегка выдвинуть язычок фитиля, зажечь его и аккуратно, вставив в расположенные по кругу пазы, надеть прозрачную колбу. Это ведь только на первый взгляд кажется, что сделать легко, а вот попробуй управиться со всем этим хозяйством после бесчисленного количества выпитых штофов, рюмочек и фужеров. Со свечой же – много проще...

Обувь артист снимал своеобразно. Двумя руками он уперся в обе стороны дверного косяка и, зацепившись каблуком за порог, потянул правую ногу на себя. Следуя законам механики, туфля отлетела вперед и потерялась где-то у окна. Та же участь постигла и левую. Истратив на сложную процедуру последние силы, он задул свечу и плюхнулся на железную кровать. Через секунду дом дрожал от похожего на извержение Везувия храпа.

Четыре сильные руки быстро и по-деловому перевернули спящее тело навзничь, привязали руки и ноги к спинкам кровати прочными веревками и, заткнув открытый во сне рот куском подобранной тут же тряпки, начали пытку. Орудовал один человек. Острой опасной бритвой он сделал несколько надрезов на коже выше локтя правой руки. Кровь брызнула и потекла на простыню.

От внезапной, неведь откуда взявшейся острой боли Аполлон проснулся и оторопело огляделся. Какой-то сумасшедший абрек с бритой головой, не обращая никакого внимания на него, с деловым видом молча сдирал кожу с его собственной руки. Во рту торчал кляп, а сам он был надежно привязан к кровати. И это был не кошмарный сон!

Прикушенный от боли язык, как живой, вздрагивал и пульсировал во рту. Безумно хотелось прокричать изо всех сил одно-единственное слово – «ма-ма!». Слезы, кровь, пот и моча текли из человеческого тела одновременно. Но палачу до этого не было никакого дела. Он старательно скатывал срезанные куски человеческой плоти и делал новые надрезы. Но потом вдруг остановился, взглянул на жертву и сел на стул.

В эту самую минуту тусклое пламя свечи выхватило из темноты лицо еще одного незваного гостя славянской внешности. Криво улыбаясь, он подошел к распятому на кровати Абрашкину и тихим и вкрадчивым голосом вежливо произнес:

– Я был бы вам несказанно признателен, если бы вы, сударь, согласились ответить на некоторые мои вопросы. – И, передернув плечами, добавил: – А если откажетесь, мы порежем вас на ремни.

Несчастный согласно закивал головой и содрогнулся в глухих и прерывистых рыданиях.

– Скажите, милейший, откуда у вас прекрасная брошь, о которой вы рассказывали несколько дней назад одной юной девице? – любознательно поинтересовался интеллигентного вида молодой человек в очках. Тем временем горец выдернул изо рта мученика кляп.

С трудом передвигая опухшими и окровавленными губами, заикаясь сквозь всхлипывания, артист произнес: – Я по-олучил его от одно-о-го зна-а-когого за то, что сыграл роль фра-а-нцузского ювелира.

– Кто он?

– Это стра-ашный человек. Он убьет меня, если узнает, что я ра-а-сказал вам о нем.

– А мы нэ убьем тэба, нэт, мы толко будэм тэба рэзат на шашлик, – встав со стула, проговорил палач и дернул несчастного за свисающий с предплечья лоскут кожи.

Аполлон все-таки успел вскрикнуть заветное слово. И его «ма-а – ма-а!» разнеслось по округе прощальным криком подраненной, отставшей от перелетной стаи птицы. Он закрыл глаза, вздрогнул и разом испустил дух.

Рванный оторопел и снова резко потянул за израненную плоть страдальца – никакой реакции, только вдруг широко открылись остекленевшие глаза жертвы, а рот растянулся в ироничной усмешке.

– Он что, умэр? – удивленно спросил Рамазан.

– Слишком слабый человек. Должно быть, скончался от сердечного удара, – по-будничному спокойно заключил Евсеев. – Надо бы внимательно осмотреть его берлогу.

Сообщники выдвинули ящики ветхозаветного скрипучего комода, зачем-то оторвали дверцу, выбросили одежду из шкафа, распороли обшивку мягкого стула, долго шарили на полках в кладовой, но ничего, кроме мертвых тараканов и одной засохшей прошлогодней мыши, не нашли. Горец, расстроенный неудачей, в сердцах швырнул на пол стоявшую на маленьком столике пустую чернильницу, расколовшуюся на мелкие кусочки зеленого стекла.

Не обращая внимания на внезапный припадок гнева напарника, Михаил стал откручивать резные металлические набалдашники, венчающие собой спинки железной кровати. Под одним колпаком он обнаружил свернутые в трубочку денежные купюры крупного достоинства, а под другим нашел маленький бумажный кулек.

– Аллах акбар! – тыча пальцем, восторженно прокричал горец.

Находка оказалась достаточно ценной. В куске серой оберточной бумаги была завернута украшенная россыпью брильянтов, изумрудов и сапфиров брошь, выполненная в виде небольшой бабочки.

Евсеев посадил чудное творение на руку, подошел к догорающей свече и залюбовался изяществом линий и филигранной техникой исполнения. Казалось, близкий огонь опалит крохотному созданию крылья.

– Я оставлю ее себе. А все деньги – твои, – не поворачивая головы в сторону напарника, очарованный игрой оттенков, хорошо различимых в тусклом свете, тихо проговорил интеллигентного вида молодой человек. Рамазан кивнул, не выразив особого удовольствия.

Они ушли, хлопнув дверью, оставив за собой еще одну смерть и новое горе. Кривые и темные улочки Подгорной слободы надежно скрывали два неясных силуэта, быстро растворившиеся в смоляном пространстве жаркой августовской ночи. А в треснутом блюде, пустив белую струйку дыма, измученная увиденным, погасла свеча.

13

Письмо с небес

После убийства на Николаевском проспекте жизнь у присяжного поверенного вышла из размеренной, ровной колеи и понеслась во весь опор безудержно и непредсказуемо, как во времена прошлых заграничных командировок. К нему снова вернулось уже слегка позабытое состояние спокойной готовности к любым неожиданностям и внезапным поворотам событий. Вот и сейчас, еще не открыв глаза, в полусне, он пытался уловить на слух доносившиеся из передней звуки.

Варвара, молодая и красивая экономка двадцати с небольшим лет, о чем-то горячо спорила и настоятельно объясняла что-то вошедшему. Стараясь не разбудить супругу, Ардашев тихо встал с постели, накинул халат и прошел в коридор. Человек с конвертом в руках настойчиво просил у горничной разрешения переговорить с адвокатом. Увидев последнего, он замолчал. Варвара обернулась.

– Вот, Клим Пантелеевич, этот господин утверждает, что он направлен к нам по поручению какого-то господина Нотариуса. А я говорю ему, что хоть уважаемый господин Нотариус и есть иностранец, все равно мог бы и подождать, пока вы, Клим Пантелеевич, проснетесь, – возмущалась преданная прислуга.

– Извините, господин Ардашев, я помощник нотариуса, который ведет дела покойного Соломона Моисеевича Жиха. Я должен вручить вам лично некоторую корреспонденцию. – Круглолицый и курносый, начинающий лысеть высокий человек в потертом, но чистом сюртуке подал хозяину дома конверт. В левом верхнем углу стояла надпись: *«Передать лично К.П. Ардашеву на следующее утро после моей смерти. С.М. Жих»*. – Соболаговолите расписаться в получении. – Он протянул адвокату небольшой огрызок желтой бумаги, и Ардашев, присев за маленький столик и черкнув пером, вернул квитанцию обратно. Курьер откланялся и покинул дом.

Клим Пантелеевич прошел в кабинет. Вскрыв конверт, присяжный поверенный быстро прочитал письмо благодаря самостоятельно разработанной методике скорочтения. Еще в юности он обратил внимание на то, что в русском языке слова, как правило, длинные, и достаточно лишь увидеть первые и последние буквы, не читая всего слова целиком, чтобы угадать его значение. Когда у него это стало получаться, он начал так же поступать с предложениями, абзацами и даже страницами. И все-таки содержание этого послания заставляло задуматься.

Адвокат медленно открыл металлическую коробочку любимых леденцов «Георг Ландрин», достал красную конфетку, положил ее в рот, откинулся в кресле и прикрыл глаза. «Ну вот, – подумал Клим Пантелеевич, – теперь спокойная и размеренная жизнь провинциального адвоката и начинающего литератора сменится на тревожную и полную опасности долю охотника за преступниками. Видимо, придется на некоторое время сыграть роль Пинкертон и окупиться в сложности разыскного дела. Господи, кем я только не был: чайханщиком в Константинополе, советником русского посла в Персии, торговцем драгоценными камнями на Цейлоне, хозяином ателье по пошиву европейского платья во французском Тунисе, консультантом начальника полиции Дамаска и даже австрийским археологом в Порт-Саиде. А вот теперь – частный детектив. Значит, так угодно Господу».

Ардашев давно понял одну истину: не стоит идти наперекор тем обстоятельствам, которые воздвигает перед тобой судьба. С ними надо мириться до поры до времени, но, принимая предложенные правила игры, следует постепенно подстраивать сложившуюся ситуацию под себя. Тот же принцип, что и в джиу-джитсу – сила противника обернется против него самого.

Письмо, написанное за день до смерти, казалось, было заряжено мыслями и духом покойного и даже продолжало еще пахнуть мужским брокаровским одеколоном. Нельзя было терять ни минуты.

Клим Пантелеевич выдвинул ящик письменного стола, взял неприметный маленький ключик, снял с книжной полки несколько толстых фолиантов и, открыв потайную дверцу, достал 9-мм самозарядный браунинг модели 1903 года в украшенном исполнении. Ардашев привычным движением вытащил обойму, проверил патроны и, вставив в специально пришитую к внутренней части поясного ремня лямку, прикрыл пистолет модным коротким сюртуком с отложным воротником и застегивающимися лапами. Теперь такую одежду называли пиджаком, от английского «pea-jacket».

Слегка выкидывая вперед трость, адвокат твердой походкой уверенного в себе человека направился в расположенное неподалеку здание театра.

14

По следу

Антрепренер, отвечающий за расселение театральных гастролеров, любезно предоставил присяжному поверенному адрес съемного жилья Аполлона Абрашкина: 2-я Заташлянская улица, дом 34.

Дорога бежала вниз к оврагу, сливалась с деревянным мостом, перекинутым через быструю речку, а потом снова поднималась вверх по косогору и, превратившись в едва заметную тропинку, терялась между деревьями буковой рощи.

Дома на второй Заташлянской улице нумеровались своеобразно: не по порядку, а скорее от желания их хозяев иметь те или иные цифры. Поэтому седьмых строений было пять, десятых – два, третьих – тоже два. Городская управа на чудачества жителей забытой богом Подгорной слободы смотрела сквозь пальцы, ведь фактически никакой путаницы и не было – все и так прекрасно знали, где и кто живет. Достаточно было назвать фамилию или профессию того, кто был нужен. Например: «Как найти пятый дом Пархомовых?» Или: «Где проживает кузнец Капустин?» И не сомневайтесь – хату покажут сразу. А вот 34-й дом был один. К тому же он сдавался внаем, и поэтому на углу белой оштукатуренной стены красовалась написанная нетвердой рукой двузначная цифра. У забора толпились люди, стояла санитарная кибитка, полицейский экипаж с откидным верхом. Важный городской то и дело разгонял стайку мальчишек, пытающихся забраться на плетень и заглянуть в окна.

Понимая, что страж порядка все равно не пропустит без разрешения начальства, адвокат представился и попросил вызвать кого-нибудь из вышестоящих чинов. Первым появился, судя по его форменному сюртуку, судебный следователь. За ним – немолодой высокий господин с большими рыжими, явно напомаженными усами. Мундир полицейского играл на солнце, и по знакам отличия и манере держаться следовало, что это и есть тот самый легендарный начальник сыскного отделения Поляничко. Наслышанные о способностях каждого, они некоторое время молча рассматривали друг друга. Рядом, выглядывая из-за спины начальника, высунулась голова человека очень маленького роста, которому приходилось то и дело придерживать саблю рукой, потому как в противном случае этот атрибут мундира вынужден был бы волочиться по земле. Неожиданно толстый коротышка разразился длинной и едкой тирадой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.